

Лев Пучков
Джихад по-русски
Серия «Кровник», книга 5

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133316
Джихад по-русски: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-00414-9*

Аннотация

У Сыча своя война – непрерывная и не знающая пощады. Его отряд действует с точностью хорошо отлаженного механизма, неумолимо перемалывающего врага в любом месте, в любое время, в любой ситуации. Женщине здесь места нет. И все же она появляется, готовая на все, лишь бы выручить сына-заложника. Что ж, в бою не до сантиментов. Она должна выполнить свою задачу, а Сыч со своими бойцами доделают все остальное. В этом можно не сомневаться.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лев Пучков

Джихад по-русски

Часть I

Второй фронт

Глава 1

Побочный эффект «Проблемы-2000»

*Если есть хотя бы малейшая вероятность, что появится нохча¹,
он появится непременно – и как раз в тот самый момент, когда уже
перестали ждать...*

Закон Мерфи в кавказском варианте

«Проблема-2000» для станицы Литовской была отнюдь не пустым звуком. Каждое казачье хозяйство остро переживало данную проблему и практически ежедневно решало ее с кровавым потом и натужными матюками. И хотя возникновению этой напасти, совсем не характерной для казачьего жизненного уклада, всесторонне способствовали многочисленные объективные обстоятельства, виноват во всем, как ни крути, был атаман.

– Тоже мне, нах, «проблема-2000», нах! – как-то воскликнул продвинутый в информационном плане атаман, в очередной раз наслушавшись новостей по приемнику. – Зажрались, ядри их в корень, выдумывают всяку херню, нах! Их бы, нах, ракалов толстожопых, сюды, да топоры всем в руки – я б, нах, на них посмотрел, как они нашу «проблему-2000» порешали бы...

Надо вам сказать, что атаман был не единственным в станице обладателем транзисторного приемника – электричества в Литовской не было, почитай, лет шесть кряду, и практически в каждом хозяйстве имелись разнокалиберные радиоизделия на батарейках, основным предназначением которых являлось услаждение маловзыскательного рабоче-крестьянского слуха казаков и членов их семей. Так что новости слушали все, и, разумеется, пресловутая «проблема» ни для кого открытием не была, хотя о подлинной ее сути мало кто задумывался.

Но атаман не зря носил серебряную каракулевою папаху с кокардой Войска Терского. Он был прирожденным вождем и, как положено всем нормальным вождям, независимо от сословной принадлежности, умел мыслить иными категориями, нежели основная масса соплеменников. Другими словами, обладал способностью вкладывать во вроде бы абстрактные и далекие понятия совершенно определенный, специфический смысл, доступный каждому рядовому члену общества. И от этого таковые понятия становились для вышеупомянутых членов родными и близкими, а их первоначальная суть уже никого не волновала, поскольку начисто утрачивала свое значение.

Вот так же получилось и с «проблемой-2000». Через декаду после того, как атаман самовольно извратил определение мировой компьютерной напасти, каждый обитатель Литовской понимал, что речь идет сугубо о прикладном хозяйственном аспекте родного края. Какие, в задницу, компьютеры?!

¹ Нохча(и) – самоназвание чеченцев.

– В общем, я в последний раз предупреждаю насчет «проблемы-2000», – резюмировал атаман на последнем казачьем кругу, устав бороться со строптивыми станичниками мирными средствами. – Ежели, нах, кто хоть ствол срежет на нашем берегу – быть тому пороту на съезжей. Даже, нах, ежели это я сам буду...

Вот так все просто, дорогие мои. «Проблема-2000» для Литовской – это дрова. Про компьютеры здесь знают только малые казачата, которые по принуждению посещают станичную школу раз в неделю – им учитель Федот рассказывал. Взрослые казаки такую диковину ни разу в глаза не видели...

– Батько, дай попилить! – пересиливая скандальный визг «Дружбы», крикнул Сашко – крепкий не по возрасту шестнадцатилетний румяный казачонок. Малец как раз приволок последнее бревно и теперь сматывал трос, собираясь уложить его в багажник «Нивы». – Передохни маненько, спина ж волглая совсем!

– Если потею, значит, живой еще, – буркнул Антон, аккуратно доводя распил до поперечной лесины. Полюбовался, как отделился чурбак, вычмокнув из матерого ствола толстенную щепу, поставил бензопилу на брезентовую подкладку и, бегло сосчитав взглядом бревна, усомнился: – А ты не рановато свернулся? Не мешало бы еще парочку привезти.

– Для ча? – удивился Сашко, проворно ухватывая «Дружбу» за ручки и подступая к бревну. – От то, што есть, аккурат до сумерек переколем. Ежли больше привезть, замудохаемся колунами махать.

– Да чего там махать-то? Ты погляди, как Серьга чешет! – Антон кивнул в сторону тринадцатилетнего крепыша, который молодецкими ударами играючи расчленил на дрова напиленные старшими чурбаки. – Он с этой жалкой кучкой и один управится.

– Та он же мудрый – вершки колет, – ухмыльнулся Сашко. – И – гля – без верхонок. Ща навалит кучу, потом будет жалобиться – мозоли содрал. А нам с тобой комлы достанутся. Намахаемся. А он будет сидеть и скулить – низя ему колоть будет.

– Какое низкое коварство! – возмутился Антон, повнимательнее присматриваясь к работе меньшого приемыша. Действительно, выбирает чурки потоньше, попрямее и верхонки упорно игнорирует. – А как насчет поджоппников?

– А это как здрасьте, – одобрил Сашко. – Позапрошлу зиму аккурат так же было – мы с углем до весны не дотягнули маненько, тож возились с деревьями. Так Серьга вот так же баловал. А батька за то порол его, как бешеного кобеля...

Упомянув про «батьку», Сашко густо покраснел, виновато глянул на Антона и торопливо завизжал электропилой, вгрызаясь в сочный ствол молодого дуба.

Антон не стал упорствовать насчет новых бревен: сам он впервые принимал участие в такого рода заготовках и чувствовал себя в этом деле новичком. В хозяйстве Татьяны никогда не возникало проблем с топливом – брат атаман всегда оказывал содействие дефицитным углем и дровишками, только вот в этом месяце слегка зазевался, решал общую топливную проблему. А Сашко, как и все казачата Литовской, был опытным дровосеком, мог на глазок определить, какой объем работы потребуется выполнить в зависимости от наличия кубатуры и качества древесины. А что касается «батьки»... Год пребывания в семье – это, конечно, достаточный срок, чтобы завоевать всеобщие любовь и уважение, а также укрепиться в авторитете рачительного хозяина и бывалого воина. Однако этот срок слишком мал, чтобы вытеснить из мальчишеских сердец настоящего отца, погибшего в бою с супостатами. Тем более такого отца...

– А верхонки все-таки надень, – бросил Антон Серьге, доставая из багажника колун и выбирая для подставки чурбак пошире. – А то будет потом мучительно больно! И не только ссаженным рукам. Намек понял?

– Понял, – поспешно кивнул Серьга, пряча глаза и послушно натягивая брезентовые рукавицы. – Ты не думай – я ж не нарочно...

– Верю, – великодушно кивнул Антон и, размяв как следует кисти рук, мощно махнул колуном: – Ну, держись, «проблема», мать твою ети...

Пока они там колунами машут, вкратце поведаю вам о «проблеме-2000» применительно к литовскому варианту. С незапамятных времен все окрестные станицы Приграничья отапливались углем, и никому в голову не могло прийти, что когда-то этот устоявшийся порядок будет в одночасье порушен. Впрочем, тогда и насчет электричества никто не посмел бы заикнуться: шутка ли, прожить семьдесят лет при социализме, освоить космос и кибернетику, чтобы на пороге нового тысячелетия вломиться вновь в пещерный век! Однако же вломились... Торчат полусгнившие столбы, как символ некоего фаллического культа, изолаторы загадочно поблескивают лазуритовыми плашками, Донбасс глубоко в... эмм... ну, в кризисе глубоко, скажем для приличия. Короче, как упоминалось ранее, электричества в станице нет уже лет шесть, а с углем – напряженка. Кто-то умный из райцентра – то ли в шутку, то ли с большого бодуна – объяснял такое положение дел элементарным круговоротом веществ в природе. Казаки, мол, плохо службу несут, недоглядели: суверенные нохи поугоняли к чертовой матери весь скот через Терек, шахтерам стало не хватать мяса, вот они обиделись и казачков решили угольком наказать. Неча, мол, на дармовщину прохлаждаться – службу лучше несите, трясца вам в подмышку...

Года три-четыре дрова добывали на своем берегу. Поначалу инициативный атаман даже умудрился вплести в эту сферу индивидуального хозяйственного обеспечения неотразимо значимый для каждого оборонный аспект: дабы не создавалось впечатления беспорядочного лесобоя и у людишек не возникало ощущения вседозволенности.

– Будем, нах, вырубать полосу безопасности, – вот так он заявил на очередном казачьем кругу. – От околицы, нах, по периметру и вглубь прогоном до речки. Чтобы, значить, ни одна ноха не просочилась ползком да спящих не порезала, нах – не к ночи будь сказано...

А случилось сие заявление зимой-96: как раз накануне наши высокоумные политикозы – русофобы-чеченофилы – подарили без малого завоеванную Ичкерия обратно в безраздельное владение бандитским тейпам. И те ребяташки начали системно озоровать: шастать рейдами по ЗОНЕ², водить через границу караваны с наркотой, оружием и прочими прелестями, угонять скот и вообще всячески пакостить. Так что слова атамана пришлось как нельзя кстати: все поспешили поверить, что лес придется планово рубить ввиду суровой необходимости, а вовсе не из-за катастрофического отсутствия топлива.

«Полоса безопасности» получилась на загляденье. За три с лишним года трудолюбивые станичники, руководствуясь атамановым «от околицы по периметру и прогоном до речки», воспроизвели на участке площадью немногим менее полутора сотен гектаров потрясающе убедительный в своем сходстве с оригиналом фрагмент пустыни Гоби. Резали потихоньку под корень, корчевали и запахивали – полагали, хозяйственники рачительные, мать их так, что годное для посева поле выйдет. Однако немного не рассчитали: на образовавшейся пологой пустоши, уродливой проплешиной прогрызшей лес до Терека, стабильно сифонил резкий речной сквозняк, который в первый же год начисто ободрал плодородный слой и уже на следующее лето щедро засыпал околицу настоящими песчаными дюнами – разгребать приходилось. Природа не потерпела надругательства, сторицей воздала станиникам.

С болью в сердце наблюдал атаман, как погибает мебельный дуб, который в нормальное время да при умелом хозяйствовании можно было за твердую валюту продавать на Запад, планомерно подсаживая молодняк взамен срезанных гектаров. Дрова! А попробуй запрети

² Так в Приграничье неофициально называют часть территории СКР (Сев. – Кавк. регион), которая декларативно вроде бы входит в состав России, но на самом деле является Дикой Землей, где действует лишь один закон – право сильнейшего.

– сей момент к стенке поставят, потому как лишить людей зимой топлива равносильно тому, что обречь их на смерть.

Зато нохча не проползет незамеченным – все видно. Посади пулеметный расчет на околице, запросто удержит батальон. А шахтеры будут на железных стульях сидеть, по железному паркету топтать алюминиевыми сабо да в металлические комоды шмотки укладывать, потому как скоро весь мебельный дуб на дрова уйдет. И будут от этого шмотки шахтерские парадно-выходные кисло благоухать окалиной, и перестанут их (шахтеров, а не шмотки) девушки любить, и в связи с этим на Донбассе грянет демографический кризис...

Наверно, не изменись радикально общественно-политическая обстановка, так бы и самовырубались литовчане помаленьку, пока не превратили бы округу в мрачную пустошь со всеми вытекающими. А равнодушный глава станицы, вполне вероятно, на определенном этапе этого большущего безобразия от огорчения помрачился бы рассудком и начал бы отстреливать порубщиков из именного карабина, подаренного войсковым атаманом за отличную службу по охране рубежей от супостата. Но, как говорят порубежники, – не все чечену Рамадан! Грянул-таки четвертый квартал 1999-го, плеснул через границу неспешной ленивой волной собранного по частичкам чумазого экспедиционного корпуса, жажнул по перепонкам оружейной канонадой и мощным ревом боевых самолетов.

Атаман мгновенно воспарил духом: просветлел ликом, усы закрутил вверх, стал орлиным взором поглядывать на молодых казачек и обедать с аппетитом. Некие бойкие на язык станичники утверждают, будто батко, послушав как-то в ноябре свой приемник, на радостях вытворял совсем уж непотребные вещи: в состоянии изрядной пьянственности плясал в одних портах (а есть мнение, что и без портов вовсе!) с обнаженной шашкой посередине улицы, выкрикивая зычно на песенный мотив отборную матерщину, а в завершение богатырским ударом зарубил соседского порося!

– Кэ-э-эк секанул – и впополам! Кровищи – мать моя! Та половина, где башка, потом еще полчаса хрюкала и назад смотрела: а кудыть-то жопа подевалась?

Но это уже на уровне сплетен – я, например, достаточно хорошо зная этого большого, сурового мужика, привыкшего твердой рукой управлять строптивой станицей в поле и в рати, в такую ахинею поверить никак не могу. Уж если и плясал, то наверняка «по форме 4» – то есть совсем одетый, на своем базу, весело матерился шепотом и порубал прошлогодние жерди в стайке. А больше – ни-ни. Не верьте и вы: эти литовские сплетники от скуки такого могут нагородить – уши в трубочку сворачиваются!

Думаете, атаман так радовался из-за того, что поверил, будто суверенную Ичкеррию раз и навсегда освободят от бандитского гнета, построят там нормальное законопослушное государство, и в связи с этим на приграничных казачьих землях наступит тишь да благодать сонная? Да вот хрен по деревне, как имеют обыкновение выражаться в Литовской!

– И какого рожна они туда поперлись, хотел бы я знать? Народу лишнего, что ли, много завелось? Не, тут или – или, нах. Ежли уж воевать, нах, так вырезать под корень все чеченское племя, чтобы имя, значит, даже и не воняло. Но это у кого ж рука подымется? Народ не поймет... А лучше застолбить по Тереку сплошные кордоны, отгородиться от этих ракалов да расходовать каждого, значит, кто попрет на нашу сторону. И пусть живут себе в полной, нах, самостоятельности...

Да, дорогие мои, такова суровая правда жизни. Как и каждый житель Порубежья, атаман видел суть проблемы, что называется, изнутри и прекрасно понимал, что русский и чечен взаимосуществовать без войны могут лишь, будучи разведены на расстояние выстрела из БМ-21³. А пребывая бок о бок, эти категории в приятном состоянии братской любви и интернациональной дружбы жить не будут никогда. Ну разве что в откровенно при-

³ «Град».

нудительном режиме советского строя или прямого президентского правления, когда абреку к одному уху приставят ствол, а в другое будут ласково шептать: «Возлюби меня, зверь, аки брата своего! А то башку прострелю, нечем будет усы носить и шашлык кушать...»

Нет, атаман ликовал по другому поводу. Перспектива развития суверенной Ичкерии его совершенно не волновала, тут присутствовали более приземленные аспекты, жизненно важные для обитателей казачьих земель и их потомков.

Дрова! Вот что. Геополитическое состояние региона, как ни странно, косвенно повлияло на жизненный уклад Литовской, которая всегда была в стороне от большого тракта. Изменившаяся радикально общественно-политическая обстановка подарила станичникам великолепную возможность остановить варварское истребление строевого леса на родном берегу.

– Будем брать дрова на чеченской стороне, – распорядился атаман, вызвав к себе авторитетных станичников – круг собирать не стал, проблема все же конфиденциального характера, не совсем легитимная, так сказать. – Пока наши там балуют, нах, неразбериха и бардак, надо пользоваться. Работать кажин день, нах, не покладая рук. Резать станем за бродом, нах, выше излучины. Резать, нах, катать стволы вниз и – в Терек. За излучиной, нах, аккуратно к нашему берегу прибьет. Как вам затея?

– Ничего затея, – почесал затылок начитанный старшина Чуб – ближайший атаманов сподвижник. – Только тут много вопросов технического свойства...

– Да какие могут быть вопросы, нах?! – пресек атаман поползновение к вольнодумству. – Разделим мужиков на три части и кажин день будем наряд отправлять через брод. С охраной, понятно, – как бы чего не вышло. Чем больше перетягем с ихнего берега лесу, тем нам же и лучше. Дело ж известное – скоро нашим воевать надоест, и тогда они учнут чечену восстанавливать хозяйство, которое войной порушили. Тогда уже не сунешься – чечен опять в каждый кустик вцепится... Ну чо – любо?

Ответ единодушным и сиюсекундным не был. Какой – то незапланированный ропот получился. Уловив неуверенность в настроениях авторитетных хозяев, атаман озабоченно вскинул мохнатую бровь.

– Не по-онял, нах! А може, кто сумлевается? Так скажите прямо, нах – чего мешкуете?

Казаки замаялись. Нет, насчет того, что на соседнем берегу рано или поздно вновь будут хозяйничать чечены, не сомневался никто. Литовские вели свою летопись от ермоловских поселенцев, традиции и устои чли и не реагировали на демаркационные вывихи советской системы, плавно трансформировавшейся в дикую демократию. Это в других местах Порубежья чечены сплошь и рядом селились на казачьих землях, дарованных им в свое время с неким умыслом дальнозоркими лиходеями из правящей верхушки. А здесь граница, как и двести лет назад, проходила по Тереку. Карту здешней местности никто из казаков, кроме атамана и Чуба, в глаза не видел, политические лекции в Литовской отродясь никто не читывал, но каждый и без карты и лекций прекрасно знал, что вскоре все возвратится на круги своя: вот Терек, вот граница, рубеж. Даром, что ли, их порубежниками кличут? Казачьи поселения в данной местности в свое время для того и были основаны неглупыми людьми, чтобы блюсти безопасность этого зыбкого рубежа, беречь Россию-матушку от воинственных горцев, коим сызмальства кинжал в люльку кладут...

Да, тут все понятно было. Сомневались казаки совсем по другому поводу. Этакие мелкие меркантильные сомненьица сугубо хозяйственного плана, недовольство крепкого, но ленивого хозяйчика, которому кто-то вдруг в одночасье запретил ходить по большой нужде на родной баз, а заставил отгрохать сортир, как положено по наставлению, в пятидесяти метрах от пищеблока. На выносе, стало быть.

– Так ведь замудохаемся тягать, Егорыч! – выразил всеобщие умонастроения приближенный Чуб. – До сих пор под носом брали, не было беды, а тут вдруг – на! До брода три версты... Ась?

– А тракт – гля! – грязюка невлазет, – подхватил другой приближенный – атаманов сосед Бочило. – Как по ем дрова возить? Да и вообще – муторно. Мотри: пилять, катать, сплавлять, пымать, тягать...

– Через два-три месяца наши престанут воевать, – невозмутимо продолжал гнуть свое атаман. – Газовую ветку, нах, в нашем районе восстановят, дай бог, через пару пятилеток, нах. Угля нам, нах – фуй в сумку, сами знаете. Так что, нах, опять будем дрова добывать на своем берегу. А из чего ваши внуки будут себе лавки да столы резать, нах?! На какие шиши они жить вообще будут, когда лесу не станет, нах?

Казаки недовольно заворчали, однако перечить более никто не посмел – верно говорил батько. Каждый понимал, что истреблять лес вокруг станицы – варварство чистой воды. Если бы не обстоятельства суровые, разве же стали бы так изгаляться над природой?

– Короче, нах! Ежли щас момент упустим, потом пожалеем, – попытожил атаман. – И «любо» не спрашиваю – так ясно. А теперь слушай наряд на неделю вперед – я уже составил...

...А погодка между тем была вполне обычной для этого времени в предгорных районах Кавказа. Как раз для начинающих суицидеров без стажа: если и сомневаешься, вскрыться или как, такая погодка моментально подскажет правильный выбор. Мглистые свинцовые тучи сплошной пеленой залегли до самого Сунженского хребта, едва различимого в косматой туманной дымке. Полное отсутствие ветра – этакое предштормовое состояние, надежно обещавшее нашествие притаившегося где-то за хребтом мерзейшего циклона. Стылая влажность, насквозь пропитавшая верхний слой земли и превратившая его в непролазную грязь, зябкими ручонками тянулась к разгоряченным молодым телам, похотливо ощупывала их через намокшие рубахи в краткие минуты передышки.

Неподвижная слякотная хмарь сгладила ощущение времени – за работой и не заметили, как миновал полдень.

– Чего это они? – удивился Антон, заметив, как трудившиеся неподалеку Чубы вдруг оперативно свернулись и принялись зашлифовывать воз. – Воз вроде не полный, клади сколько влезет...

– А, наверно, обед. – Сашко достал из кармана брошенной на капот фуфайки подаренные Антоном на прошлое 23 февраля часы. – Ну точно – обед. А Чубы завсегда до обеда заканчивают. Это ж мы к семи подъехали – а они уже с пяти пилят.

Чубы зашлифовали воз, помахали на прощание и тронули свою гнедую к станице.

– Нормально... – обескураженно пробормотал Антон, глядя вслед удаляющимся станичникам. – А нам еще часа на полтора работы!

– Так мы ж и начали попожжа, – напомнил Сашко, а бесхитростный Серьга не преминул вставить: – А ты, бать, сказал – давай еще два бревна. А Сашко сказал – хватит...

– Да, вы молодцы, все рассчитали как надо, – вынужден был согласиться Антон. – Только вы вот что, молодцы: пореже присаживайтесь, почаще машите колунами. Нам тоже не мешало бы поторопиться...

– А може, сначала поснедаем? Мамка там балабас уложила, молока бидон дала... а я картохи прихватил, – Сашко кивнул в сторону «Нивы» и просительно уставился на «батьку». – Костерок разведем, картохи напечем... а?

Серьга, услышав насчет картофельно-костерковой перспективы, восхищенно разинул рот и тут же отложил колун в сторону.

– А внешне вы выглядите вполне взросло, – недовольно заметил Антон. – Если бы не знал, сколько вам лет, при встрече подумал бы – вот настоящие казаки. Воины! А вы –

картошечки печеной с молочком... Приедем домой, разводите на заднем дворе костер да пеките сколько влезет. Что мешает?

– Да чо это за костер – на базу? – огорченно воскликнул Сашко. – Это ж не то! А тут вот – никого нет, природа, то да се... Ну те чо – жалко, да?

– А дома мамка костер палить не даст, – обреченно шмыгнул носом Серьга. – Скажет – неча дурыю маяться...

Антон с сомнением посмотрел на чеченский берег, вздымавшийся неподалеку черной вислобрюхой змеей. Чубы укатили – минус четыре ствола. Больше в округе никого нет. Нехорошо! Разумеется, сейчас на вражьей стороне разбросаны десятки застав и блокпостов, весь прилегающий район декларативно под контролем федералов. Однако, как и в первую кампанию, «духи»⁴, ориентирующиеся в родных пенатах с закрытыми глазами, невозбранно шастают меж расположений федеральных войск куда душа пожелает. Потому-то здесь, вроде бы в тылу, решение пресловутой «проблемы-2000» всегда сопряжено с определенным риском. Это ведь воровать лес с вражьего берега казаки ездят полным нарядом: с боевым охранением до двух отделений, разведкой, связью и тщательным соблюдением мер предосторожности. А каждая семья по отдельности, заготавливая дрова для своих нужд, действует сугубо на свой страх и риск. Вот они, лесины, лежат на своем берегу, станица неподалеку. Чего еще надо? Езжай, расчлений, тащи домой. Напорешься на чеченов – твои проблемы. Нечего индивидуально шариться, договаривайся с другими станичниками, да и трудись себе в куче. Так безопаснее.

Да, надо было согласовать. Однако Антон на такого рода заготовки выезжал впервые и отчего-то вдруг предположил, что на берегу будет трудиться чуть ли не целый взвод. Станица-то большая, дрова всем нужны! А тут – только Чубы, да и то – до обеда. Нет, определенно – нехорошо получилось...

– Если чо, батька, мы с тобой в два ствола тута роту покладем, – верно истолковал сомнения старшего Сашко. И внушительно добавил, кивнув в сторону «Нивы»: – Патронов – завались. На двоих – десять обойм. А? Да мы тут пол-Чечни перещелкаем, пока они с того берега перелазить будут!

Антон криво ухмыльнулся и нехорошо цыкнул зубом. Это прекрасно, когда человек непоколебимо верит в профессионализм старшего товарища и не сомневается в собственных силах. Это нужно всячески приветствовать: если в мирное время – где-нибудь в российской глубинке да в каком-нибудь клубе подготовки юных патриотов имени Ли Харви Освальда, например. Беда только в том, что здесь глубинка кавказская, а человечку всего шестнадцать. И хотя по комплекции он вполне под стать взрослому дяде, однако же как был мальчишкой, так и остался – внешность подчас обманчива, в наш-то век тотальной акселерации. А еще этот человек, несмотря на напускную бывалость и бравый вид, ни разу не бывал в бою и даже не подозревает, что на самом-то деле ствол у них один. И сто патронов – это ничто, пшик. Потому что если вдруг, не приведи господь, случится внезапное боестолкновение и подкрававшиеся вороги по какому-то недоразумению не накроют сразу свинцовым шквалом, то в полноценный огневой контакт вступит один Антон. А человек – в лучшем случае, если не ошалевает с перепугу да не впадает в ступор, – человек выпалит свои пять магазинов в никуда за первые полторы минуты, а потом будет судорожно дергать затвор карабина, полагая в панике, что не стреляет из-за неурочно приключившейся неисправности. И если «духов» будет хотя бы с десяток (а в рейдовой группе меньше и не бывает), то шансов выжить в этом скоротечном бою у дровосеков не остается. Расклад неутешительный: один карабин с дешевенькой оптикой да двое подопечных, которые будут обузой. В одиночку Антон чувствовал бы себя стократ увереннее. В этом случае он не постеснялся бы и с отделением

⁴ Боевики – не обязательно чеченские, в последнее время всяких хватает (*жарг.*).

«духов» побаловать, если бы вдруг приспичило – хотя всегда старался избегать таких ситуаций...

Антон отвел взгляд от вражьего берега и покосился на приемышей. Две пары серых глаз с немим обожанием внимали внешне невозмутимому молчанию старшего. Серьга даже дыхание затаил – стоит засопеть сейчас ненароком, так Сашко тут же убьет взглядом: «Ша, батя думает!!!»

Нет, нельзя тут тыкать носом в неприглядную действительность. Такие высокие чувства нужно беречь и лелеять. Зря, что ли, год выкладывался, вырабатывая нестандартную методику прикладной педагогики и завоевывая авторитет?

– Давайте так, орлята, – озарился Антон после короткого раздумья. – Еще полчаса ударной работы – и обед с костром. Чтобы на полный желудок потом не напрягаться: как раз все переколем, останется только в прицеп загрузить. Поехали!

Пацаны отметили мудрое решение восторженными возгласами первобытного свойства и с энтузиазмом бросились добывать оставшиеся чурбаки. Антон, одобрительно крякнув, сунул колун в багажник «Нивы», на всякий случай водрузил снаряженный карабин на капот, прикрыл от сырости Сашкиной фуфайкой и принялся бойко наполнять прицеп. За полчаса мальчишки как раз прикончат чурбаки, а он упакует в прицеп примерно десятину наколотых дров. Затем станет лишь слегка дожать общественное мнение: «А давайте-ка, хлопцы, теперь быстренько все уложим, подъедем к станице поближе, да и разведем там, в конце концов, тот возжеленный костерок...»

На ближней к дровосекам верхней дороге показался армейский «уазик» с камуфлированным тентом. По-хозяйски этак появился: неспешно выполз из-за бугра, жирно буксанул на взлобке, выбрасывая из-под колес богатые ошметья грязи, и покатил к реке.

«Т-а-ак... Стоило только остаться одним, и – нате вам. Случайность?» – Антон тревожно осмотрелся, мгновенно перелопатил скудный запас вариантов развития событий и, переместившись поближе к капоту, скомандовал:

– Вот что, тинэйджеры. Нечего паяться, работайте дальше как ни в чем не бывало. Только не разгибайтесь шибко и уши откройте пошире: если последует команда «К бою!» – падайте и быстренько ползите вон за тот штабель с бревнами. Вопросы?

– Нету! – хором рявкнули «тинэйджеры» (и как язык повернулся этак вот казачат обозвать?).

– Ну и ладушки, – буркнул Антон, просовывая руку под полу разложенной на капоте фуфайки и нащупывая слегка влажное цевье карабина.

В принципе ничего такого не произошло. К броду вели три дороги: две верхние, пролежавшие из райцентра по плато, на котором казаки складировали экспроприированный лес, и одна нижняя, петлявшая по дну широкой балки, разрезом выходящей к самой речке. «Уазик» направлялся из райцентра к броду – значит, наши. С другой стороны, все, кто обитает в здешних местах, прекрасно знают, что в эту пору пытаться перебраться через Терек в районе брода на обычной технике совершенно бессмысленно. Попробуй-ка вскарабкайся на соседний берег: крутой, грязь, угол подъема что-то около 30 градусов. Оттуда к нам – пожалуйста на чем хотите: сползете по жидкому суглинку и плюхнетесь в воду. А в ту сторону даже БТР о восьми колесах буксует. Литовские станичники, например, отправляясь резать чеченский лес, едут верхоконными, а поднимаясь по крутояру, спешиваются и ведут лошадей в поводу. Вот таким образом здесь переправляются. Ну и куда же вас, хлопцы, понесло?

«Уазик» поравнялся с крайним рассыпанным штабелем и встал в сотне метров от компании Антона. Неторопко вылезли трое в «снеге»⁵, рассредоточились неумело рядом с машиной, оружие по-киношному вскинули стволами вверх.

⁵ Тип камуфляжа.

Антон замер, впиваясь взглядом в неожиданных гостей. Вроде бы славяне, без явных признаков враждебности – но времечко нонче до того дурное, что следует быть готовым к любой пакости. Даже если и свои, могут с переполоху пальнуть, не разобравшись. Потом, как обычно, спишут на вредных «духов». А бывают ведь еще и такие «свои», что на порядок хуже самых вредных чужих. Антон имел сомнительное удовольствие убедиться в этом на личном опыте...

А казачата между тем, гнусно извратив смысл команды старшего, побросали колуны, залезли на кучу дров, чтобы лучше видеть, и принялись оживленно комментировать явление посторонних вояк:

– Крутые комки... Никак СОБР!

– Да не – мотри, как стволы держат. Чайники! СОБР – там спецы. Помнишь, давеча наезжали в станицу? Не, не СОБР.

– Тогда – ОМОН. Но – новенькие. Комки чистые, рожи немятые. И не датые вроде.

– Может, и ОМОН. Бать, это кто, как думаешь?

– Кто старший – подойди! – начальственно крикнули от «уазика».

– Ну вот, началось, – вздохнул Антон. Нарочито медленно вытянул карабин из-под фуфайки, мимоходом отщелкнул предохранитель – одиннадцатый патрон, как положено, был в патроннике – и, повесив оружие на правое плечо стволом вниз, направился к «гостям».

– У него ствол! – поделился неожиданным открытием с товарищами один из троицы – самый увесистый и коренастый. – Ты погляди!

– Да это же казаки, Колян! – поправил кто-то из распахнутой дверцы «уазика» не совсем тверезым голосом. – Ну, я же тебе говорил! Ты что – не в курсе?

– Положить оружие на землю! – фальцетом приказал «увесистый», не желая прислушиваться к голосу разума из салона. – Поднять руки, идти медленно!

– Ах ты ж ракал жирный! – послышался сзади полный негодования, приглушенный возглас Сашко. – «На землю»! Там же грязюка! А чистить пота ты его будешь? Батя, мне взять его на мушку?

– Стоять! – отмахнулся Антон, не сбавляя темпа, и в знак приветствия покрутил указательным пальцем левой руки у виска – правой крепче сжал ремень оружия, взглядом вцепился в скандальную троицу, пытаясь решить для себя: обычные недоумки, прибывшие на смену, или кто похитрожопее – по его душу? Неплохо было бы определиться, пока не приблизился на расстояние, позволяющее бить из автомата навскидку, не целясь. Еще не поздно юркнуть за ближайший штабель и поработать по групповой цели: до семидесяти метров у карабина с оптикой – пусть и плохонькой – хорошее преимущество перед АКСМ. Рассыпанный штабель – плохая защита, Антон находится выше, перещелкает меж бревен, как утят. «Уазик» прошьет навывлет, бронежилетов у них нет... А вдруг просто недоумки? Ах, как хочется определиться, черт задери! И не то чтобы погода скверная или лица у ребят неприветливые: просто для битого судьбой пса войны, за которым в свое время охотилась добрая половина суверенной Ичкерии и коего свои же братья славяне совсем недавно продавали абрекам, аки белого барашка, определенность в данном аспекте – вопрос жизни и смерти.

– Бросай оружие – стрелять буду! – зло крикнул «увесистый», опуская ствол автомата – двое соратников без особой уверенности последовали его примеру и с надеждой оглянулись на «уазик».

– Совсем навернулся? – Антон опять покрутил пальцем у виска, но на всякий случай зашагал медленнее, почувствовав некоторое облегчение: товарищи «увесистого» вовсе не играли, вели себя вполне естественно, как подобает обычным законопослушным гражданам, впервые угодившим с асфальта на войну. Автоматы на предохранителях – нонсенс по военному времени! – встали коряво... Да, похоже, нормальные городские менты: вспомогательная команда медвытрезвителя, гроза футбольных фанатов, спецы по обкурившимся

тинэйджерам и неорганизованным минетчицам. В первые дни трудно разобраться, кто здесь кто, кому положено оружие, кому нет, а уж при каких обстоятельствах следует стрелять в человека, который не проявляет признаков агрессии, вообще непонятно.

Это уже лучше. Чтобы спеленать такого фрукта, как Антон, должны были направить профессионалов, которых объект пеленания определил бы за версту по целому ряду специфических признаков. Сам такой.

– Ну, падла! – всхлипнул «увесистый», нервно щелкая предохранителем и досылая патрон в патронник. – Ну...

– Батя! – предостерегающе крикнул сзади Сашко – зоркий сокол. А то батя сам не заметил!

– Да ты ебанись, Колян! – из салона «уазика» вывалился некто грузный и краснорожий – тож в «снегу», но замусоленном донельзя, обросший, как шимпанзе, и до крайности раскованный. Притертый к местности, одним словом.

«Притертый» с маху погасил настороженный ствол «увесистого», толкнул его в плечо и, авторитетно отрыгнув, вразумил:

– Ты что творишь, Колян? Тебе тут полтора месяца жить, мля! Ну?

– Да фуля – «ну»?! – возмущенно воскликнул «увесистый». – Почему мне знать – кто он такой? Со стволом...

– Так ты меня спроси, – опять со вкусом отрыгнул «притертый». – Это же их начальник штаба, мля! Надо же – чуть энша не завалил! «Со стволом»! Они тут все со стволами. Ты помни: когда тебе «чехи» начнут пистон вставлять вечером, кроме них, никто к тебе... эгррр-кхха! – тьфу, прости, господи, – никто на помощь не придет. Ты меня понял, нет? Если не понял, ты не стесняйся – завтра мы уедем, не с кем посоветоваться будет...

– Да все он понял, братишка, – миролюбиво произнес приблизившийся под шумок Антон, уже безо всякой опаски протягивая «притертому» руку.

Слава богу – это те самые «свои», которые просто свои! Этот волосатик в январе, в числе командования сводного отряда ОМОНа, размещавшегося в райцентре, приезжал в Литовскую на рекогносцировку. Только в тот раз он был в свежем камуфляже, чисто выбрит, трезв, пострижен и казенно напряжен. Что поделать – война быстренько стряхивает с людей шелуху цивилизации и заставляет иначе смотреть на окружающую действительность.

– А чо – издаля мы на нохчей запохаживаем? – показательно изобиделся Антон, старательно имитируя здешний прилипчивый диалект, влиянию которого он в течение последнего года стойко сопротивлялся сам – и казачат старался отвадить. – От так сразу и не видать?

– Да я же им сказал! – досадливо воскликнул «притертый», бесцеремонно ткнув большим пальцем за спину – в сторону набычившегося Коляна, которому не дали как следует исполнить служебные обязанности. – Казаки, говорю, кому еще...

– А проверить все равно обязаны, – непреклонно заявил «увесистый». – Вдруг «духи»? Пасмурно, с расстояния в сто метров лиц не рассмотреть. А у них, между прочим, каждый второй издали на славянина смахивает. Это же надо подойти да в глаза посмотреть, да пару вопросов задать – тогда ясно будет.

– А чо, шарить ты насчет нохчей, – решил грубо подольститься Антон, приветливо пожимая сверх меры влажную ладошку – понервничал парень, поволновался. Но это ничего, что влажный и толстый, – это мелочи. Колян будет сидеть в райцентре полтора месяца, дружить надо. – Видать, бывал тут в первую войну?

– Два раза, – солидно обронил Колян, защелкивая предохранитель и вешая автомат на плечо. – В первый – так себе, в начале 95-го фильтр обеспечивали в Ханкале. Кого там только не было! Сам Масхадов у меня там торчал – достал он меня своими приколами, пока сидел. А во второй – покруче получилось. В Гудермесе зачистки делали – так пришлось там валить направо и налево... А, долго рассказывать. Как на рекогносцировку приеду в станицу

– посидим, покалякаем. Сейчас-то здесь более-менее нормально, можно сказать – тыл. А в тот раз... я этот Гудермес как вспомню – до сих пор мурашки по коже...

«Ну и дурак, – мысленно похвалил Антон. – И врун к тому же. По пункту первому – полный провал. ОМОН „фильтры“ не обеспечивает – этим занимается уиновский спецназ. И к Масхадову тебя, жиробас ты наш словоохотливый, на пушечный выстрел не подпустили бы. А про Гудермес приплел для чего? Те, кому доводилось участвовать в „жестких зачистках“, ни за что не станут трепаться первому встречному о том, как они там кого-то валили. Потому что прекрасно знают – такую информашку можно хорошо продать тем самым товарищам, из которых, как справедливо заметил Колян, каждый второй похож на славянина.»

– То любо, што бывалых отправляют, – счастливо улыбнулся Антон. – А то понашлют всяких ракалов – ратуй потома с ними. На смену?

– Ага, – кивнул «притертый». – Антон так и не смог вспомнить, как его зовут, хотя полтора месяца назад провел с ним почти полдня и даже водочку пил за одним столом. – Повез мужиков места показать да присесть на пару стаканов, – он хлопнул крепкой ладонью по тенту «уазика» со стороны багажника и весело подмигнул: – Полбарана бастурмы⁶ да пол-ящика прохладненского коньяка. Давай с нами? Ты не думай – там на всех хватит упиться и уесться...

Антон неопределенно пожал плечами и замялся, подыскивая веский повод для отказа. Нет, он был отнюдь не дурак хорошо посидеть в теплой компании, даже и с прохладненским⁷ коньяком – если потреблять в меру, ничего страшного. Но в данном случае ситуация не располагала к тому, чтобы все бросить и сломя голову мчаться навстречу дружеским возлияниям на лоне природы. Кроме «притертого» – парни незнакомые, с оружием, пойла много, как ведут себя под большим градусом – черт его знает. Помимо того, смущал еще один вопрос. И где это они присесть собрались? Уж не у брода ли?

– Давай, давай – не ломайся! – истолковал по-своему сомнения Антона «притертый». – Сади казаков в тачку и езжай за нами. Это у брода, где вы раньше дозор на ночь ставили. Казаки у тебя пьющие? – и весело хохотнул – самому понравилось, как «приколол». Непьющий казак, дорогие мои, это нечто вроде чечена-русофила или говорящего кота – чудо природы, артефакт, раритет.

– Да то не казаки, – брякнул простецки Антон, ухватившись за первый подвернувшийся повод. – То ж мои сыны.

– Сыновья? – удивился «притертый», повернув голову в сторону казачат. – Ну, блин... А на вид – мужики мужиками.

– Да не – то ж на вид только. Старшему шешнадцать, младшему – тринадцать – малята совсем... – Антон почесал двухдневную щетину и обозвал себя идиотом. Повода не мог найти получше, недоумок? Если это твои сыновья, то сколько тогда тебе лет, казаче? Не сообщать же первым встречным, что женился по большой любви на казачке вдовой на пять лет старше да с двумя детьми готовыми! При тотальной приграничной амазонии (баб в два раза больше, чем мужиков) это – из ряда вон. Такие вещи запоминаются: вполне пригожий да здоровый казачина не смог найти себе девку из большущей кучи. Этак недолго и до закономерных выводов...

– Не понял! – совсем правильно удивился не отошедший еще от асфальта Колян. – А сам-то с какого года?

– С шесъдесятого, – не моргнув глазом, соврал Антон, махом прибавив себе десяток лет. – А чо?

⁶ Здесь приготовленное для шашлыка мясо, нарезанное, вымоченное в вине, с луком.

⁷ В Прохладном гонят самопальный коньяк и за уникальную цену (на январь 2000-го – оптом 12 р. за бутылку) снабжают им всю группировку. Дрянь, какую поискать!

– Ну-у-у... – недоверчиво протянул Колян, прикладывая ладонь козырьком к бровям и с любопытством всматриваясь в сторону Антоновых приемышей. Того и гляди, все бросит и побежит проводить визуальную идентификацию. А результаты будут совсем неутешительными – пацаны на Антона совсем не похожи. Рослые, крупные, сероглазые, светло-русые, заметные, в общем – папина кровь. А Антон – совсем наоборот. Среднего роста, телосложение среднее, глаза не поймешь – зеленовато-карие какие-то, волосы темно-русые...

– Ну так они здесь на свежем воздухе, мясо свое, овощи, яйцо, молоко, – без всякой задней мысли пришел на помощь «притертый». – Не то что мы – выхлопными газами травимся да нитратами всякими... Так что – не составишь нам компанию?

– Не, вы уж извиняйте, – сожалеюще развел руками Антон. – Надо дрова в хату тягать – мамка ждет.

– Хорошо сохранился, – как-то неопределенно помотал башкой Колян – как показалось Антону, вполне даже недоверчиво. – Если у вас и мамки так молодо выглядят, я к вам жить перееду.

– Да, казачки у них – кровь с молоком, – опять легкомысленно хохотнул «притертый». – Но, если что, как засветит промеж глаз – неделю будешь на больничном валяться. Как говорится, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет... Ну, раз не хочешь с нами, мы покажи. Может, уже и не встретимся, братуха, – давай с тобой на прощанье... – и шустро полез под тент, торопливо звеня стеклом.

Пришлось-таки на скорую руку употребить сто грамм пресловутого прохладненского коньяка – в таких случаях не принято отказывать алколюбивым «боевым братьям», они это воспринимают как личное оскорбление. Обнялись, обстукались, распрощались. Омоновцы сели в «уазик» и укатили к броду, Антон возвратился к мальчишкам, пребывая в состоянии некоторой задумчивости.

– Чо такое, батька? – озабоченно спросил Сашко.

– Ничего, – буркнул «батька». – Оценка «неуд», тормоза вы мои ненаглядные! Оценка «неуд». Считайте себя «двухсотыми».

– За чо так?! – в один голос вскричали «тормоза», а Сашко обиженно добавил: – Я ж предлагал – давай возьму на мушку того жирного! Но ты ж сам сказал: как «к бою» будет – лягать и понужать до штабеля. Сказал же?

– А «к бою» – не было, – удрученно напомнил Серьга. – За чо «неуд», бать?

– За то, что пиздоболили и на дрова взгромоздились, как две ростовые мишени на пригорке, – подавив раздражение, спокойно пояснил Антон. – В то время как была команда имитировать продолжение работы, нишкнуть и открыть уши пошире. А кто еще раз «чокнет» – тридцать отжиманий. Ну-ка, вместе: три-четыре!

– Что-что-что-что... – послушно загалдели казачата, сочтя батькины доводы насчет своей виноватости достаточно убедительными.

– А что насчет костра, бать? – отбубнив положенное, как ни в чем не бывало напомнил Сашко. – Ты ж сказал...

– А что насчет костра? – Антон глянул на чеченский берег и пожал плечами: в принципе теперь нет необходимости перемещаться ближе к станице – в самом опасном месте торчит буфер из пятерых омоновцев, трое из которых страдают синдромом повышенной бдительности. Можно чувствовать себя в относительной безопасности. – Вы колите, я займусь. Как добьете последний чурбак – прошу к столу...

Костер получился на славу. А иначе и быть не могло: Антон являлся большим специалистом по части сооружения костров в экстремальных условиях – специфика прежнего образа жизни обязывала. Было дело, приходилось обогреваться и готовить пищу в гораздо более мерзкой обстановке: на топком болоте, например, где в качестве топлива имелся лишь насквозь влажный мох да жир подбитого из рогатки косача. А тут в принципе условия вполне

соответствовали: куча благородной щепы, полкружки дефицитного бензина (в Литовской по личным делам на транспорте катались лишь избранные, к числу коих принадлежал и наш парень – как же, атаманов зять, начальник штаба и вообще...), готовые дрова. Подумаешь, влажность – эка невидаль!

Мальчишки за полдня успели проголодаться, как медведи после зимней спячки, – полноценных углей дожидаться не стали, вывалили полведра картошки прямо в жаркое пламя, взвив сноп искр и скандальные клубы дыма, видимого, наверно, за километр. Антон недовольно поморщился: высшее искусство как раз и состоит в том, чтобы соорудить костер с минимальным количеством дыма, дабы обеспечить маскировку и не выдать свое месторасположение врагу. Однако в настоящий момент маскироваться вроде бы не было необходимости, слева – омововцы, справа – станица, и суровый наставник ограничился советом:

– На будущее: меньше дыма – больше шансов остаться в живых. Рекомендую принять к сведению.

– Щас дрова опять возьмутся, и дым пройдет, – успокаивающе заверил Сашко. – Ты не журишь, батя, – коли враг будет рядом, мы так костер палить не станем. А щас же врага нету!

Антон хотел было сообщить юному балбесу, что настоящий враг тем и хорош, что никогда не знаешь, рядом он или где, а потому необходимо постоянно ждать его в самом неподходящем месте и держать уши торчком. Однако, взвесив все «за» и «против», не счел нужным вступать в полемику. Они впервые оказались с казачатами вне станицы, что называется, от общества отбились. Поэтому ребятишки, до сего момента покидавшие Литовскую лишь в составе многочисленных нарядов, не успели откорректировать модель поведения, их беспечность вполне оправданна. В этой связи чрезмерная забота «батьки» об их безопасности может быть истолкована не то чтобы необъективно, а вовсе даже превратно. Чего доброго, подумают, что «батька» трусит, поди потом разубеди. Ничего, пусть порезвятся – надо будет как-нибудь потом отдельно преподать им сокращенный курс выживания...

Мальчишки трапезничали, как троглодиты: жадно хватали куски вареного мяса, соленые огурцы, сваренные вкрутую яйца, ломали испеченный накануне вечером хлеб, обжигаясь и пачкая рты, лупили полусырую картошку, запивая все это безобразие холодным молоком и оживленно галдя. Антон с удовольствием наблюдал за ними, не спеша пережевывая свою порцию и ожидая, когда пропекутся нижние картофелины, защищенные от разрушительного пламени.

Костер создавал ощущение уюта и какого-то особого комфорта: казалось, промозглая сырость, смилившись с изобретательностью людей, отступила, вытесненная за пределы невидимого круга жарким дыханием умиравшего в огне благородного дерева. Хотелось блаженно жмуриться и сидеть вот так бесконечно, забыв обо всех проблемах этого несовершенного мира. Мальчишкам вон все нипочем – плевать, что граница под носом, супостат может в любой момент пожаловать непрошен. Эх, юность беззаботная, до чего же ты прекрасна!

И вообще все было бы совсем хорошо, если бы не бдительный Колян. Товарищ, конечно, местами свой, но тем не менее принадлежность имеет к органам правоохраны, с которыми отношения у Антона как-то не сложились. В этом аспекте коляновская бдительность совсем неуместна, а где-то даже чревата. «Притертый», например – черт, как же его зовут-то? – на такие нюансы внимания не обращал. Казак – друг, надежда и опора. Поступат выверен суровой обстановкой и временем, обсуждению не подлежит. Какие могут быть нюансы? Как он, этот казачина, организует свою личную жизнь, никого не волнует, лишь бы в трудный час оказался в нужном месте и подставил крепкое плечо с вечным синяком от приклада.

А Колян вот озаботился. Кто его знает, что у этого типка на уме? Из райцентра рукой подать до штаба Объединенной группировки, куда Колян как начальство обязан еженедельно наведываться на совещания. А в штабе, между прочим, имеются все необходимые средства

коммуникации с внешним миром – вплоть до локальной сети МВД и ФСБ. Если Колян окажется дотошным сверх меры и начнет наводить справки, вполне может получиться некоторая неудобственность. Это ведь пара пустяков: воссоздать по свежей памяти фоторобот, снабдить его указанием примет и запустить по сети в центр. А времени-то прошло с момента известных событий не так уж и много – вряд ли вымарали из анналов соответствующую информацию. То-то удивится Колян, когда узнает через недельку, что литовский энша вовсе не казачина природный – потомственный, а бывший офицер спецназа Внутренних войск – боевая кличка Сыч, который в свое время был взят под стражу как военный преступник, бежал из следственного изолятора и определенный период числился во всероссийском розыске.

«Не подвело чутье старого волка! – вот так, наверно, он воскликнет, получив ответ на свой запрос. И при этом оживленно потрет влажные ладошки, почмокает радостно толстыми губами. – С ходу вычислил бандюгу, влет, что называется! Только глянул, и – нате! А ну – медальку мне какую-никакую, а то и орденоч сразу...»

Но еще больше, пожалуй, потрясет Коляна тот факт, что Сыч этот пресловутый, как ни странно, непреднамеренно сдвинул лыжи еще аж в 1996 году. Иными словами, погиб при невыясненных обстоятельствах, чему имеются исчерпывающие доказательства. А это, согласитесь, уже нонсенс, это совсем из рук вон: у покойников как-то не принято заготавливать дрова и работать на полставки энша у казаков. Такие вещи запоминаются. Люди вообще долго помнят встречи с призраками, коль скоро таковые вообще случаются в природе...

Сашко, утолив первый голод, решил воздать должное разбирающему его любопытству: вскарабкался на штабель, у которого горел костер, залег и принялся наблюдать за расположившимися возле брода омонотами. Поерзав с минуту, он покинул свой наблюдательный пункт, ловко ухватил из-под носа мечтательно таращившегося в огонь Серьги кусок мяса и деловито попросил Антона:

– Бать, разреши карабин твой? Гляну, чо там они.

– И чего ты там собираешься рассмотреть? – хмыкнул Антон. – Коньяк с шашлыком да пьяные рожи?

– Ну чо те – жалко? – вскинулся Сашко. – Ты не бойсь – я руки вытру, – и тотчас же, запихав в рот кусок мяса, принялся вытирать руки о штаны.

– Ладно, – смилостивился Антон. – Только прицел не крути – настроен.

Сашко сграбастал карабин вместе с фуфайкой, опять залез на штабель и принялся елозить, прикладываясь к прицелу.

– Ты бы накинул фуфайку, – бросил Антон. – Студено, поди, в душегрее, – и, спохватившись, уточнил: – Бленда?

– А чо – бленда? – не понял Сашко.

– Через плечо! – буркнул наставник. – Три «чо» за последние пять минут! А ну, сдвинь бленду, и – «что».

– Что-что-что... – без эмоций забубнил Сашко, сдвигая бленду и вновь прикикая к окуляру.

– А ты говорил, что бленда нужна, чтобы солнце на прицеле не бликовало, – рассудительно заметил Серьга. – А сейчас солнца нету. Зачем тогда бленда?

– Чтобы навык вырабатывался, – пояснил Антон. – Чтобы закреплялся механизм поведения. Хочешь скрытно наблюдать за кем-то, обеспечи себе маскировку. Конечно, тучи заволокли небо, солнцем и не пахнет. Но представь себе, вдруг среди туч на краткий миг мелькнет лучик – и по странной случайности отразится от твоей линзы и выдаст тебя врагу. Или даже не лучик, а какой-нибудь некстати образовавшийся просвет – тоже вполне достаточно для блика. Нужно учитывать буквально все!

– Как складно сказал! – бесхитростно восхитился Серьга, переварив услышанное. – Мне бы так научиться...

– А вона еще кто-то прется, – доложил со штабеля Сашко. – «Санитарка» с крестом.

– Из райцентра? – уточнил Антон.

– Не-а, по чеченской стороне. – Сашко осуждающе хмыкнул. – От каличные! Никак через брод хотят ломить?

– Ну-ка, ну-ка... – Антон взобрался на штабель, прилег рядом со старшим приемышем, на правах сильного потеснив его на фуфайке. Действительно, по-над обрывом в сторону брода перемещался «УАЗ-452» защитного цвета, в армейской среде именуемый «таблеткой». Невооруженным взглядом можно было различить яркий крест на борту – как будто специально подкрасили для пущей убедительности.

– В райцентр везут когось, – предположил Сашко. – Больной, видать.

– Или «духи» едут в рейд, – в тон подхватил Антон. – Как раз в такой «таблетке» с десяток поместится. Двое в кабине, восемь в салоне.

– Да ну! – в один голос воскликнули казачата.

– А ну, заткнитесь на минутку, – попросил Антон. – Дайте батьке подумать...

Глава 2

Кризис среднего возраста

*Никогда не говори «никогда»...
Пресловутая джеймсбондовщина, о которой постоянно забывают
именно те, кого это касается...*

... – Фак ю, факин чет! Факин беч! А-ха, а-ха... Нет, неискренне. Лживо как-то. Насквозь лживо. Ё...ная тетя, чтоб вы все сдохли в один присест! Чтоб вас разорвало, мыши саблезубые! А-ха... Да, саблезубые мыши – в этом что-то есть. Определенно... В общем, е...ные мыши саблезубые, отродья крысячи, чтоб вам всем провалиться в п...ду подальше!!! А Верке-сучке – персонально – ногу в люке сломать. Но не сейчас – так сразу не надо. А попозже. После массажа. Пусть перед больничным отработает, неандерпадла злое...учая...

Итак, очень даже привлекательная фемина разгуливала нагишом по пустынному массажному кабинету, сторонне наблюдала через огромное панорамное окно за потрясающе ясным зимним закатом и вяло ругалась. «Филипс», затаившийся в углу, задорно выдавал «Глазищи» хулиганистым голосом Шевчука – отсюда и ассоциативный крен в сторону не совсем обычных мышей.

– Давай, Юрик, еще разок выдадим этим саблезубым, – желчно пробормотала женщина, щелчком пульта возвращая песню на начальную позицию и прибавляя сразу пять делений громкости. – А то окопались тут, значит, Вивальди, Моцартов им подавай, бляди рафинированные! А-а-а-а-а!!! А-а-а-а-а!!! Ре-лак-са-ция-яа-ааа!!! Какая, в п...ду, тут может быть релаксация?! Уф-ф-ф, ненавижу...

Вот за таким славным времяубиением мы и застали с вами прекрасную даму. Только, дорогие мои, прошу вас – ради бога, не судите скоропалительно! Дама не имеет даже какого бы то ни было косвенного отношения к той известной категории воспетых нашим братом обольстительных хищниц, которые опаивают мужиков клофелином, промышляют в отелях и занимаются прочими непотребствами на эротико-криминогенном фронте.

Ирина Викторовна Кочергина – красавица, умница, знатная дама. МГИМО – «арабистка», два языка, состояние, муж – преуспевающий бизнесмен, сын – подающий большие надежды шестнадцатилетний эрудит. Родители – высшей пробы номенклатура старорежимной закваски, огромные горизонтальные связи в умирающем, но сохранившем определенные позиции доельцинском ареопаге, который некоторое время назад вершил историю, да и сейчас порой не без успеха влияет на новую формацию.

О вышеупомянутых хищницах Ирина Викторовна знала лишь из литературы да салонных сплетен: «...а муж такой-то – тот самый, влиятельный да сильный, большой баловник оказался! В баньке застукали с двумя шлюшками, сняли на камеру и жене показали. А что шлюшки? Вроде бы эта... ммм... как ее? А – солнцевская братва! Точно. Вот эта самая братва и подложила – явно желая скомпрометировать...»

Ирина Викторовна в силу своего положения имела обыкновение бывать в таких местах, где пахнущие нафталином бывшие «первые леди» с нездоровым упоением слушали Вивальди и Моцарта и при этом с удручающе умным видом могли часами рассуждать о том, например, что Моцарт-де, шустрый мальчик, ловко скомпилировал у Вивальди адажио и обозвал его «La grimosa», а наказывать его за то некому было, поскольку славный парень Антонио преставился за пятнадцать лет до рождения ветреного гения, а все предки именитого итальянца оказались кончеными ублюдками, и им было как-то недосуг пойти и предъявить копирайт кому следует. А номенклатурные дочери этих бывших «первых леди» с не менее умным видом вздыхали над преемственностью нынешних мужикантов: Филя, мол, такой

славенький мальчишечка, такой обаяшка – а вот надо же, перепевает Тараканьи хиты и тем самым как бы обесценивает свой талант...

– А-а-а-а!!! – вот так кричала Ирина Викторовна, придя домой после очередного такого номенклатурного соберунчика, отказаться от участия в котором было невозможно по ряду объективных причин.

– А-а-а-а, леди-бляди!!! Чтоб вы все сдохли, хронопадлы!!! Чтоб вам все ваши табельные катафалки повзрывали в одночасье!

Да, уважаемые, как вы уже поняли, Ирина Викторовна патологически не переносила номенклатурно насущных Вивальди и Моцарта – и не потому вовсе, что совсем уж плохие парни, а ввиду насильственной пихаемости свыше. И, мягко говоря, особой симпатии к кругу лиц, с которыми вынуждена была общаться, также не испытывала. Представляете, что за удовольствие: как минимум пару вечеров в неделю с выражением цитировать «Лузумийят» аль-Маарри, Хамада и Авиценну (хотя по-арабски ни одна идиотка не понимает, зато лестно – как же, сопричастность!), болтать по-английски о модах восьмидесятых годов с выжившими из ума неврастеничками, всю жизнь проторчавшими в Европе ввиду специфического положения вельможных мужей! Или мило улыбаться их дочкам, у которых одна извилина – и то не в силу ошибки матери-природы, а в связи с частым использованием тесноватой теннисной шапочки. Но увы, такова участь знатной дамы, достойной дочери своих родителей, которая вынуждена постоянно подчеркивать принадлежность к особому кругу избранных и заботиться о своем реноме. Хочешь жить, как живешь, – соответствуй.

Для себя же, для души, так сказать, Ирина Викторовна – то ли в пике суровым обстоятельствам, то ли искренне, всерьез, что называется, перлась от Шевчука. А еще ей нравилось грязно ругаться – разумеется, когда никто не слышит и повод есть. А сейчас повод как раз был. Да какой веский!

Повод имел две составляющие. Первая: дурное настроение по причине неизбежности очередного светского раута в папо-мамином загородном доме, который (раут, а не дом – дом Ирина надеялась со временем заполучить в наследство как единственная дочь) заблаговременно навевал на деятельную статс-даму смертную тоску. Соберутся старперы и их благоверные с дауноориентированными чадами, всем угодливо улыбайся и шути респектабельно. Паноптикум социалистических ошибок и заблуждений, посмертный слепок тоталитарного режима, затхлый дух несостоявшихся ленинских идей, псевдоблеск фундаментального образования... Жуть!!!

Вторая составляющая: Верка-массажистка. Дипломированный специалист, незаменимая деталь клубного интерьера, задавала, вредная девчонка... Достала, дрянь такая! Сначала принялась поучать, когда Ирина велела воткнуть в «Филипс» два диска Шевчука. Этим менторским тоном, сучка, будто барышню-институтку!

– Релаксация никудышная, Ирина Викторовна, – сколько раз я вам говорила! Вы под Шевчука не расслабляетесь окончательно – он вас будоражит, излишняя алертность, знаете ли... Давайте оставим ваши диски – вы же знаете, у меня тут прекрасная подборка трансцендентальных композиций. А если желаете, я вам классику поставлю – есть очень неплохой сборничек: Гайдн, Моцарт, Вивальди...

– Чтобы я по своей воле полтора часа эту дрянь слушала?! – взвилась Ирина, в принципе привыкшая к назойливым сетованиям Верки по поводу использования «неправильной» музыки. – Ставь, к чертям, Шевчука, а то разнесу тебе тут все к чертовой матери!

Этот раунд Ирина с легкостью выиграла: разумеется, Верка подчинилась и поставила что велели – хотя и поджала губки и всем своим видом показала, сколь она не одобряет такого вот неприличного поведения. Но второй ее проступок был просто возмутительным – то ли сердясь на капризную клиентессу, то ли пребывая не в духе, массажистка вроде бы

ненароком смахнула на пол хрустальный флакон с фиалковым маслом, принадлежавший Ирине. Вот тут наша дама вспучилась со всей неистовостью уязвленной фурии.

– Да это просто геноцид какой-то!!! – завопила Ирина, не слушая робких увещеваний массажистки, умолявшей воспользоваться другим маслом, которое имелось в избытке и представлено было полутора десятками вполне приличных номинаций. – Диски мои слушать не дают, какую-то дрянь! Масло мое злодейски разбили, а теперь суют-предлагают какую-то дрянь! Эту дрянь, которой всяких жирных Сергеевых да Саркисяних всяких терли! Терли-терли, к черту, этих жирных, отвратительных бабищ, а потом, значит, на мою бархатную кожу намазывать куски их омертвевшего эпидермиса, да?! Покрывать меня их жирными, смердящими бациллами, да?! Да что же это такое?!

– Господи, да не может там быть никаких кусков, Ирина Викторовна! – чуть не плача, защищалась Верка. – Ну откуда там куски? Вы обратите внимание, здесь же клапанная система: давим, капаем на ладонь, обратно уже ничего попасть не может! Да и руки я дезинфицирую после каждого клиента...

– Не знаю! – противным голосом заявила Ирина. – Ничего не знаю! Мотай! Двадцать минут тебе. Драндулет под окнами – бери, так и быть. Через двадцать минут ты должна вернуться с точно таким же флаконом. Не успеешь – ищи себе работу в Сандунах. Будешь там всяких хачиков за столик массажировать, а они тебя будут лапать за жопу: «...Ай, какой красивый дэвушк!!! Давай чибурацка пагладыть будим мал-мал, нага раздвигать будим, тудым-судым...» Давай-давай – мотай, чего уставилась? На мне татуировки нет! Я вам тут плачу такие деньги, чтобы всякие растяпы мое масло разбивали и всяко разно мною тут помыкали? Давай – я время засекла!

Вот такая вредина. И знаете, побежала Верка как миленькая. Сейчас мчится на Арбат в Иринином «драндулете» – «Мицубиси-галант» и умоляет шофера Славика, чтобы поторопился. Не дай бог не успеть! Хотя могла бы и поспорить. «Такие деньги» – шесть тысяч баксов в год за членство в клубе – не бог весть какая сумма для такой состоятельной дамы, как Ирина Викторовна. И специалист такой квалификации, как Верка, отнюдь не курьер, чтобы по прихоти клиентессы мотаться за маслом. И в Сандуны, естественно, она наниматься не пойдет, коль скоро выпрут из клуба – найдет себе местечко получше, с руками оторвут такую мастерицу.

В общем, было что сказать Верке, но... не посмела. Потому что все из ближнего окружения прекрасно знают, что представляет собою Кочерга (так за глаза обзывают Ирину недоброжелатели). Одно слово – стерва, каких поискать. Красивая холеная тигрица, капризная, балованная, жестокосердная и своенравная, палец не то что в рот – близко к зубам не подноси, откусит по самый копчик...

Погоуляв по кабинету минут пять под нахальные увещевания Шевчука, Ирина слегка остыла и собиралась было чистосердечно раскаяться в дрянном поведении. Надо будет Верку реабилитировать по приезду, какая, к черту, может быть творческая работа с клиентом, когда этак вот гоняют? Еще передаст свои недоброжелательные флюиды во время массажа – потом до следующего сеанса будет дурное настроение. Или вообще сглазит, тогда прыщ на носу вскочит в самый неподходящий момент. А с прыщом – нехорошо. Убого как-то – с прыщом. Мужики глазами не пожирают. Или пожирают, но с подтекстом: «Вдуть бы этой... прыщавой. По самое здрасьте, чтобы прыщ отскочил...» Брр!

– Все мы люди, Верунчик, – благостным голосом произнесла Ирина, остановившись перед огромным зеркалом в полстены, вделанным в бронзовую завитушечную раму, и репетируя покаянное выражение лица. – Да, все мы люди и подвержены вспышкам дурного настроения, обусловленного негативным воздействием среды. В смысле, не дня недели, а окружающей нас действительности. Не сердись на старую дуру за нервный срыв, – будешь

в моем возрасте – сама поймешь, что к чему. А флакончик этот я тебе дарю – в компенсацию за моральный ущерб. А на будущее...

Однако закончить репетицию «старой дуре» не дали: тонким предателем заверещал вездесущий мобильник – неперенный атрибут светской дамы нашего времени.

– Да чтоб вы все сдохли, жабы суринамские! – без перехода воскликнула Ирина, выдергивая телефон из брошенной на стол сумочки. – Я что – не имею права побыть одна?

Звонил заведующий районным филиалом фирмы «Ира». Президентом фирмы являлся муж Ирины Викторовны – Александр Евгеньевич Кочергин. Заведующий нижайше кланялся и просил повлиять на супруга, чтобы не увольнял некоего Салыкова. Да, безусловно, – скот, каких поискать, частенько манкирует и с запахом на совещание приперся... Но сейчас начало года, парень хоть непоследовательный и непредсказуемый, но – талантливый, очень талантливый, приносит огромную пользу... Короче, завал без этого Салыкова...

– Подготовь обоснование полезности этого самородка, – холодно бросила в трубку Ирина. – Анализ: справа плюсы, слева – минусы. И пришли ко мне через два часа – буду дома. Не самородка – анализ! Если минусов окажется больше – не обессудь. Если анализ будет необъективный, я тебя за то, что время отнял... накажу. Скажу Сашке, что ты на меня маслеными глазенками пялишься и давно хочешь мною обладать. Слюной капаешь от вожделения. Ты меня понял?

– Ап... оуэм... эээ... – бедолага заведующий с разбегу угодил в техническую «вилку» – и так плохо, и этак дрянь. Зная характер Кочерги, легко предугадать последствия: начнешь уверять, что ничего такого и в мыслях не имел, тут же вскинется – ага, значит, ты меня считаешь ни на что такое негодной старухой и мымрой?! Я уже недостойна того, чтобы меня хотя бы мысленно поимели?! А согласиться, что хочешь обладать, – вообще провал. При очередном припадке меланхолии, чего доброго, действительно скажет мужу – вот будет потеха! А Александр Евгеньевич, между прочим, здоровенный мужик с темпераментом медведя-шатуна и рабоче-крестьянскими манерами – не постесняется самолично заявиться в офис и без предисловий начнет окучивать. Попробуй докажи тогда, что ты совсем не то имел в виду!

– Вот и подумай, стоит этот твой Салыков таких душевных трат или ну его к чертовой матери, – злорадно резюмировала Ирина, не дождавшись вразумительного ответа. – Подумай – время есть...

Да, Ирина Викторовна не ограничивалась ролью домовладелицы и повелительницы обожающего ее мужа, которого она вытащила из самых низов и благодаря своему положению в обществе вылепила из него матерого бизнес-хвата. В силу своей природной любознательности и вьедливости она по мере сил вникала в суть функционирования фирмы, правильно видя в этом функционировании залог личного процветания и благополучия своей семьи. А потому подобные обращения со стороны сотрудников фирмы были не редкостью – все знали, что если Кочерга сочтет целесообразным, то обязательно убедит мужа принять правильное решение по тому или иному вопросу.

Минут через пять телефон затрещал вновь.

– А-а! Сговорились, что ли? – желчно буркнула Ирина, с отвращением глядя на трубку. – Чтоб вы все...

На этот раз беспокоил муж. Униженно извинялся, что не сможет присутствовать на сегодняшнем званом ужине у родителей. И не потому, что не хочет, – напротив, горит желанием, стремится, но... Имеются, видите ли, объективные причины: коммерческий директор везет его знакомить с нужными людьми, которые могут поспособствовать в решении ряда вопросов по районному филиалу. Такие связи в нашем деле очень полезны, так что дома будет поздно...

– Да какие там у тебя могут быть нужные люди? – возмутилась было Ирина, собираясь сурово отчитать супруга и напомнить, что все «связи», способствующие процветанию фирмы, – это ее рук дело, результат многочасового корпения на этих самых идиотских соберунчиках старой номенклатуры и тщательного поддержания ровных отношений с приятелями родителей, чтоб им всем взорваться в одночасье.

– Ну, пожалуйста, мамочка, войди в мое положение! – отчаянно вскричал супруг. – Я уже неделю назад обещал, что буду... Ну и что ж я теперь – слово не сдержу?

– Мне не нравится твое поведение, радость моя, – без особого напора сообщила Ирина, прекрасно понимая, в чем дело. Никаких там нужных людей, естественно, не будет – поужинают в «Праге» и до ночи будут тусоваться у коммерческого в бильярдной. Александр Евгеньевич, талантливый администратор и работяга божьей милостью, был в душе непролазно дремуч, во многих общеобразовательных вопросах невежественен и даже в присутствии своей горячо любимой жены отчаянно робел перед ее потрясающей эрудицией и природной светскостью. А теперь представьте себе, что с ним творилось, когда целый вечер приходилось пребывать в скопище шпарящих на нескольких языках рафинированных особей, помеченных печатью фантастической стервозности и источавших тотальное презрение ко всем остальным слаборазвитым индивидам, не принадлежащим к их кругу! В общем, Александр Евгеньевич панически боялся таких вот раутов и под разными благовидными предлогами старался их избегать.

– Да, по мне, уж лучше неделю уголь разгружать, чем разок к твоим предкам навещать, – как-то по простоте душевной признался он супруге, когда та спросила о впечатлениях. – Я там – как будто голый. Все смотрят и качают головами: обезьяна не обезьяна, но осел – однозначно...

– Ладно, прощаю, – сжалилась Ирина. Она не то чтобы потворствовала этому маленькому недостатку супруга – просто заметила, что после таких званных вечеров он как минимум пару дней чувствует себя не в своей тарелке. Замыкается в себе, робеет, начинает отвечать невпопад, с сотрудниками стесняется разговаривать. Переживает свою мнимую ущербность. А для дела это вредно. Мужик – животная капризная и прихотливая, к ней особый подход нужен. Если его систематически и правильно приподнимать над собой, он обязательно взлетит и с распростертыми крыльями будет парить над своими владениями, подмечая орлиным взором каждую деталь и мелочь и с надеждой глядя за край горизонта. Тогда он не даст стервятникам с соседних участков утащить со своей земли ни одного барана и обгадить границу своей территории. А попробуй этого орла поставь в стойло, опусти в его нарочитом сомнении – намекни ему, что он неудачник и ни хрена у него в бизнесе без тебя не получается? Или, когда, распаленный звериной похотью, вышеозначенный орел ползет к тебе вечером в трусики, брось ему, что у него изо рта пахнет? Вот тут он моментально крылья сложит, клюв на грудь свесит, сядет под кустик и начнет сомневаться в себе, искать причины своей несостоятельности. Потом, чтобы его реабилитировать, понадобится втрое больше времени и усилий – трудно вновь воспарить на прежнюю высоту, будучи столь резко опущенным, да еще самым близким человеком!

– Прощаю, радость моя. – Ирина вспомнила предыдущий звонок и решила на ходу урегулировать проблему: – Ты приказ по Салыкову подписал уже?

– Вот он, на столе лежит, – с невыразимым облегчением выдохнул Александр Евгеньевич – что там какой-то приказ, когда имеют место такие выдающиеся достижения на личном фронте! – Сейчас подпишу. А что – уже стуканули?

– А ты не торопись пока, – посоветовала Ирина. – Ты разберись как следует.

– Да гад же! – без особой уверенности воскликнул Александр Евгеньевич. – Гад еще тот... Волосатик. Галстуки не носит. Опаздывает. Ну, слов нет – работник хороший, талант-

ливый... А на совещание приперся с запахом. В девять утра! А я его предупреждал уже два раза...

– Не торопись, радость моя, – повторила Ирина. – Нельзя так сразу – с людьми. Это тебе не дрова рубить. Давай так: я разберусь, завтра тебе скажу свое мнение, тогда уже и решишь, как с ним поступить. Тебе же разницы нет, когда приказ подписать – сейчас или утром... Хорошо?

– Хорошо, – покорно согласился Александр Евгеньевич. – Ты знаешь – в таких вопросах я тебе полностью доверяю.

– Ну и прекрасно. – Ирина прибавила кокетливости в голосе: – Смотри там, у Назаряна, не балуй. Будешь горничную за зад щипать – я тебе устрою. Потом специально у Анжелики поинтересуюсь. Ты меня понял?

– Да чтоб я сдох! – проникновенно воскликнул Александр Евгеньевич. – А потом – с чего ты взяла, что мы у Назаряна будем? Я же сказал, он меня везет к людям... Но в любом случае, кроме тебя...

– Тебе никто не нужен, – лениво закончила Ирина. – В курсе. Но все равно – смотри там...

Отпустив мужа, Ирина трубку не положила, а с нездоровым любопытством уставилась на циферблат массивных антикварных часов, величественно возвышавшихся в углу напротив аналогичной эпохи зеркала. Загадала: если на протяжении последующих пяти минут кто-нибудь еще позвонит, значит, вечер будет безнадежно испорчен и на этом тягостном рауте ничего полезного сделать не удастся. Только время убьет.

По истечении сорока трех секунд с момента отключения телефона запиликал забытый пейджер, похороненный в недрах изящной косметички.

– Фатум, – печально кивнула в зеркало своему отражению Ирина Викторовна, принимая выражение лица Жанны д'Арк, которой неблагодарные англичане внезапно объявили о намерении подвергнуть ее термической обработке.

– Предопределение. Жизнь прожита напрасно, все усилия впустую. Можно идти топиться в джакузи...

Пейджер гневался: «У тебя два часа подряд все занято. Где ты ходишь? Вика...»

– Пять минут, дорогуша, – пробормотала Ирина, набирая знакомый номер. – Всего лишь пять минут. Что за плебейская склонность к преувеличениям?

– Смола? – раздался в трубке тонкий голосок, более приличествующий балованной нимфетке, нежели тридцатисемилетней даме весом немногим более центнера. – Ты с кем постоянно болтаешь? У тебя по графику вроде массаж! Алле, Смола, чего молчишь?

– Скорее – Кочерга, – ворчливо поправила Ирина. На этот раз ее побеспокоила лучшая подруга: одноклассница Вика Семина – тоже дочь знатных родителей, состоятельная, удачно пристроенная в свое время замуж, сластена, обжора, эротически озабоченная ласковая дура с широченной русской душой и неизбывной предрасположенностью к промискуитету, во многом обусловленной патологическим бездельем и большими возможностями. Впрочем, насчет промискуитета Вика была не в курсе: она в жизни ничего не читала помимо «Муму» и «Анны Карениной», и то, как говорит классик, до сих пор не могла понять, за что же Герасим свою собачку под паровоз пристроил. Куда Гринпис смотрел, блин? Однако, несмотря на непролазную дремучесть, Вика была любимым человеком Ирины – говорю же, душа у нее была широчайшая, в наше время тотального стяжательства и непрерывного поиска выгоды в знакомствах это своего рода раритет, беречь и ценить надобно.

С Викой можно было не церемониться – она понимала подругу с полуслова, спинным мозгом чувствовала все оттенки и нюансы ее умонастроения. А еще она упорно обзывала Ирину Смолой – в девичестве наша дама была Смоленской, согласитесь, куда как более благозвучная фамилия, нежели нынешняя пролетарская...

– Уже семнадцать лет – Кочерга... Чего названиваешь, жиртрест? Делать нечего? Сходи в зал, скинь пару кило!

– Пф-ффф!!! – вяло возмутилась Вика. – Разбежалась! Все бросила и пошла в зал. Хорошего человека должно быть много! Ты «Пышку» Мопассана читала?

– Что-о? – не на шутку удивилась Ирина. – Откуда ты про «Пышку» узнала, деревня? Где это тебя так угораздило?

– У меня теперь Роберт... Ты про Роберта в курсе?

– Это который грузчик из «Московского»? – Ирина никогда не задавалась целью серьезно вникать в очередные перемены на Викиных амурных фронтах. Дело неблагоприятное и абсолютно бесперспективное, потому как на фронтах этих царили хаос, анархия и полнейшая разносортница – никакой системы. Единственная константа в этом плане, которой непреклонно придерживалась Викулечка-крохотулечка, – мужланы все, как один, были неизменно здоровые, отчаянно тупые, невоспитанные и отличались удивительным трудолюбием в постели. Что удивительно – альфонсы Вике пока не попадались. Все ее садуны общались с нею исключительно в силу взаимной симпатии и неудержимой природной потребности – ни о каких вознаграждениях и речи не шло. Ну, разве что ужином накормит после трудовой вахты. Так что были все резоны упоминать хрестоматийную Пышку – не ввиду схожести ситуации, а в связи с привлекательностью данного женского типа для определенной категории противоположного пола. Однако где Мопассан, а где полуграмотная сладкоежка Вика?!

– Ну ты вспомнила! – опять фыркнула Вика. – Тот Роберт уже давно – тью-тью. Скотина... А этот – танцор из «Айсберга». Красавчик! Стройняшечный, молоденький, сладенький...

– Нахальный, здоровенный, тупой как валенок и катастрофически переполненный гормонами, – нетерпеливо продолжила Ирина. – Это он тебе про Пышку рассказал? Странно...

– Он умный! – наступательно выпалила Вика. – Сама ты тупая! Он талантливый! Думаешь, я всю жизнь с этими, как ты их называешь... эмм...

– Сперматозаврами, – подсказала Ирина. – Яйценосами. Садунами. Не волнуйся – не всю жизнь ты с ними. У тебя муж – профессор права, доктор юрнauк, один из лучших адвокатов двух столиц. Светило, одним словом.

– В гробу я видала такое светило! – досадливо буркнула Вика и тотчас же сменила тон – будто после бутерброда с хреном отпробовала по ошибке зефира в шоколаде. – А этот Роберт... Он обожает французскую классику. Хочет стать режиссером, ставить эти... постановки какие-то там хореографические. Спектакли типа. Сейчас, правда, у него с деньжатами туговато – не до постановок. Но это временно, это ненадолго. Зато у него много таких же друзей. В смысле, таких же талантливых, этих... эмм... ну, надежды подающих, короче. Вот давеча он ко мне обедать приводил двоих – так они такого мне нарасказывали...

– Ой-е-е! – искренне озаботилась Ирина. – Это что-то новое! Вот это ты угодила, толстуха! Умный, красивый, без денег... И куча таких же друзей? Которых он водит к тебе обедать? О-хо! А-ха! Ммм-да... Это уже серьезно. Ты напоролась на альфонса, свет очей моих. А это вообще даже небезопасно – есть целая куча поучительных примеров...

– Педераст, что ли? – заволновалась Вика. – Ты что-нибудь про него знаешь? Так у него вроде все в норме – пашет, как трактор... Ты ничего не перепутала? Еще же «Айс» есть – это там пидармоты тусуются. Айс – это лед значит. По-английски. А это – «Айсберг»! Это же совсем другое, это по-русски – льдина большая...

– Ты у меня просто прелесть! – растроганная столь глубокими познаниями в лингвистике, сообщила Ирина. – Но альфонс – это не совсем то, что ты думаешь, свет очей моих. На этот счет можешь быть спокойна, судя по твоим отзывам, к геям он не имеет никакого отношения. А вот в остальном... Про Пышку, значит, рассказал?

– Книжку дал почитать, – засмушалась Вика. – Прочитала. Очень душевная книжка...

– Да, это серьезно! – оценила Ирина. – Это большое светлое чувство. Если тебя кто-то заставил читать Мопассана... Так-так... А что-то мне этот стройный не того. Мне бы встретиться с этим твоим стройным. Посмотреть на него, в глаза взглянуть. Как бы нам это устроить?

– Так а чего я тебе названиваю? – воодушевилась Вика. – У меня мой плешивый три дня в отъезде. В Питере у них какая-то конференция. Твой красавчик сегодня – как? Никуда-никуда?

– Красавчик в норме. – Ирина пожала плечами – что может случиться с ее супернадежным супругом? Вопрос совершенно неуместный. – Красавчик всегда на месте, при мне. Сегодня я – никак. Сборы у предков. Явка обязательна, опоздавших забивают насмерть французскими булками. А что – сегодня этот у тебя будет?

– Будет с друзьями, – интригуяще сообщила Вика. – С теми двумя. Ночевать останутся. Вот я и подумала – может, тебе... А? Парни – улет! Эти, как ты говоришь... Ну, стройные, жгучие, волосатые, глаза горят, могут всю ночь напролет – того...

– Мачо, одним словом, – резюмировала Ирина. – И ты будешь со всеми тремя сразу? Ну и аппетиты у вас, синьорина!

– Я ж тебе предлагаю. – Вика изобразила сострадательный причмок. – Мне не жалко, я о тебе думаю. Думаю – чего она там прозябает? Муж да муж – никакого разнообразия... Твоя массажистка куда умелась?

– За маслом поехала. – Ирина несколько удивилась. – А ты откуда знаешь про массажистку? Ты не на Арбате?

– Делать нечего! – буркнула Вика. – Я дома. А ты ровно дышишь – значит, тебя не мнут. Ты уж из меня совсем дуру-то не делай! Короче – если ты одна, подойди к зеркалу и посмотри на себя. Только не спрашивай – зачем. Просто подойди и посмотри.

– Что за блажь... – растерянно пробормотала Ирина, подходя к зеркалу и внимательно рассматривая свою идеальную фигуру. Никаких неожиданностей – зеркало всегда было верным другом и до сих пор не давало поводов для размышлений. Дожить до тридцати семи, вырастить красавца-сына, поднять мужа до того положения, которое он сейчас занимает, неустанно, вроде бы исподволь, заботиться о делах фирмы – и при всем при этом сохранить внешность, которой позавидовала бы любая студентка, – это, извините, своего рода подвиг. Памятник надо ставить – из бронзы, с обнаженной натуры, в назидание нерадивым молодым мамашам, расплывшимся после первых родов наподобие Вики. Вика, кстати, несмотря на свой обжорный оптимизм и наплевательское отношение к физическим упражнениям, люто завидовала подруге – когда им случалось совместно посещать сауну, чуть не плакала, глядя на Ирину. Правда, зависть эта была неоднозначного свойства – не о красоте и изяществе линий тосковала полнотелая гренадерша, а о недостаточной востребованности этого прекрасного тела.

– Вот, твою мать, какая досада! Такая... такая... и все это – одному! – возмущалась Вика, беззастенчиво рассматривая подругу. – Да ну как же так, а? Да я б на твоём месте всех мужиков сгребла в кучу, на кого глаз бы положила! Они бы у меня в ногах валялись и кругами писали от страсти...

– Посмотрела?

– Посмотрела. И что?

– Хороша?

– Ничего, как обычно, – пожала плечами Ирина. – Могу рецептом поделиться. Немедленно прекратить валяться на диване и смотреть видак подряд по двенадцать часов. Прекратить жрать жирное, мучное и сладкое, в меню иметь преимущественно фрукты и овощи, ежедневно 30 км на велотренажере, сорок минут специальная гимнастика, растяжка, циркулярный душ, джакузи. Три раза в неделю – бодибилдинг под присмотром хорошего инструктора.

тора, два раза в неделю – массаж, в субботу четыре часа подряд – волейбол в профессиональной команде, каждое воскресенье – сауна. Знаешь – ничего сложного, все предельно просто и, поверь на слово, приятно, когда втянешься. Полгода назад, ты помнишь, ногу вывихнула на волейболе – так за неделю чуть с ума не сошла от вынужденной неподвижности. Это как наркотик, привыкнешь, потом за уши не оттянешь. Ну как рецепт – принимается?

– В гробу я видала твои рецепты! – воскликнула Вика. – Я тебя зачем к зеркалу погнала – ты на себя посмотри! Ты думаешь, оно всю жизнь так будет? Такое упругое, приятненькое, стройненькое, завлекательное для мужиков?

– Мне недавно сообщили страшную тайну, – заговорщицки понизила голос Ирина – она уже поняла, к чему клонит Викуша: тема старая, избитая и в какой-то степени даже болезненная. – Я тебя прошу – ты только никому, ладно? Ни-ко-му-шеньки! Так вот – оказывается... ой, даже и не знаю, как тебе сказать... оказывается, оказывается... оказывается, мы все умрем... Представляешь?! И упругие, эластичные, сексуально-дразнящие, суперпривлекательные, из кожи вон лезущие, чтобы соответствовать, и обжоры-жиробасихи, пятитонки, что живут в свое удовольствие, спят да жрут. Все-все! Состаримся и умрем – паритетно, независимо от толщины слоя целлюлита...

– Ой-й – и дура же ты, Смола! – застонала Вика. – Я ей серьезно, а она все хиханьки да хаханьки... Не жалко?

– Себя?

– Тебя-тебя – красоты твоей! – гаркнула Вика. – Надо же, за семнадцать лет ни разу на сторону – все время с мужем! Нет, я тебя как-нибудь проучу – расскажу всем. А то у нас все думают, что ты у нас эта... секс-бомба, короче, мужиками крутишь как хочешь, меняешь на неделе по паре... Мужики вьются вокруг, кругами писяют, думают – краля еще та, а она...

– Достала, – не выдержала Ирина. – Говори, чего хочешь, и отваливай – надоела.

– Роберт с друзьями, – без обиняков приступила к делу Вика. – Я им фотки наши показывала. На пляже и в бассейне тоже, ты там есть...

– Совсем с ума сдурела? – всполошилась Ирина. – Ты что, не в курсе, что именно с этого начинаются всякие грязные шашни, фотомонтажи-шантажи?! Я тебя убью, если будешь кому попало показывать мои снимки!

– Да ты же там не голая! – успокоила Вика. – Ну и что – в бассейне? Брось ты, не бойся – ничего такого! Мальчишки славненькие, сладенькие такие, юненькие – какие там грязные шашни? Им бы сейчас потрахаться всласть да пожрать как следует – возраст такой.

– Они меня хотят, эти твои танцоры? – лениво зевнула Ирина, укладываясь на массажный стол и прикрываясь простыней, – надоело, что вездесущее зеркало, пристроенное неким хитрым образом, шпионит за каждым ее шагом. – Заочно, по фотографии, не нюхав, не видев вживую ни разу... Да?

– Так хотят, так хотят – кругами писяют! – заверила Викуша. – Слюнями брызгают, глазенки светятся! Говорят: «Ух-xxx, мы бы ее с ног до головы облизали! Мы бы ее... Ух-xxx!!!» Я тебе что хочу сказать... Ну если они со мной скачут добрых часа полтора... Ты представляешь, что они с тобой вытворять будут? Нет, ты представляешь?

– Все, я отключаюсь, – буркнула Ирина. – Старая толстая потаскуха – у тебя одно на уме. Звони, когда будешь пребывать в состоянии сексуальной пассивности. Сейчас с тобой невозможно общаться.

– Да я же о тебе забочусь, идиотина! – с жаром воскликнула Вика. – Какие мальчишки! Ты представляешь, что они будут с тобой вытворять? Хотя что вспомнить-то будет – а то будешь сидеть на завалинке через десяток лет и тосковать: эх, и дура же я была, такие возможности упускала... А? А еще – на старости лет, как узнаешь, что твой красавчик тебе рога ставил направо и налево, вот тебе обидно-то будет! Они, когда помирают, об этом рассказывают. На этом, как его, на смертном одре. Или одере...

– Это из личного опыта? – холодно осведомилась Ирина.

– В кино видела, – нимало не смутившись, заявила Вика. – Да какая разница! Вот, вроде весь правильный, хороший, а потом ка-а-ак выдаст все! И секретарши, и массажистки, и... и... короче – ужас! Вот обидно-то будет!

– Это ты про моего?!

– Да ну не про своего же! Мой уже на ладан дышит. А твой – ого-го мужчинка, такой любую бабу...

– Никогда. – Ирина даже не сочла нужным возмутиться – вопрос решенный, чего с дурочкой спорить? – Мой – никогда в жизни. Он меня боготворит. И не без основания, сама понимаешь...

– Да так-то оно так, но... они же, мужики, все на одну колодку, – компетентно заверила Вика. – Как юбку увидит – все дыбом встает, даже галстук, про все забывает. Не обидно будет, что он – ага, а ты – ни-ни?

– Дура-дура, в лес подула, сено ела, одурела, – скороговоркой выпалила Ирина. – Правильно, они все кобели... Но что касается моего – никогда. Ты поняла? Ни-ког-да! Представишь доказательства – я тебе свою дачу подарю. Это не шутка. Еще какие аргументы?

– Ну какие тут могут быть аргументы? – Вика вдруг взмолилась: – Голубушка! Ласточка моя! Да ты не говори сразу «нет» – ты подумай хотя бы с минуту. Представь себе, как это будет...

Ирина закатила глаза и ради приличия умолкла на минуту, прислушиваясь к шуму мотора за окном – прибыла несносная Верка на ее машине. Интересно, каков результат – с маслом или как?

– Мне бы твои проблемы, Викуша, – пробормотала Ирина, удаляя телефон от головы. – Мачо, говоришь... Хм!

Да, как это ни покажется странным, Ирина Викторовна – красавица, умница, светская стервоза, каких поискать, – на протяжении всей совместной жизни с супругом ни разу ему не изменила. Хотя условий для амуров было – хоть отбавляй. И средства позволяли, и возможности все имелись, и – абсолютно точно подметила ласковая толстуха Викуша – мужики штабелями падали к ногам, вились вокруг, справедливо полагая, что дамочка с такой внешностью непременно должна пользоваться ею в полном объеме...

Нет-нет, не подумайте плохого – Ирина во всех аспектах совершенно нормальная женщина, и ничто человеческое ей не чуждо. При виде любого здорового симпатичного мужика, который отвечает определенному своду специфических требований (хорошо пахнет, уверен в себе, уважает женщину, умеет говорить, еще больше умеет слушать, наделен юмором и самоиронией, независим, горд и великодушен) и смотрит с красноречивой нежностью, у нашей красавицы сладко обмирает сердечко, начинают блестеть глаза, горячая волна дисциплинированно разливается в низу живота, а губы слегка набухают от прилива крови. Но!

Во-первых, Ирина обладает изощренным воображением. Она мгновенно прокручивает в мыслях то «кино», которое могло бы у нее получиться с тем или иным представителем противоположного пола. Представляет в мельчайших подробностях и красках, парит на крыльях почти осязаемого чувственного всплеска, мысленно взрывается сконструированным ярким оргазмом... и все в тех же красках и деталях медленно планирует на уставших крыльях воображения обратно в исходную точку. А в этой точке – сами знаете, когда отсутствует крайнее возбуждение, улетучившееся с разрядкой, остаются только обычные бытовые последствия. Шутливые намеки, полные скрытого смысла, нервное состояние, обусловленное зависимостью от степени болтливости и порядочности поиметого накануне субъекта, чувство вины, озабоченность по поводу дальнейшего поведения вышеупомянутого субъекта в плане притязаний на твою независимость и тем паче финансы... А коли вдруг субъект окажется закамуфлированным маньяком и что-нибудь такое непотребное выкинет? Брр... Да

здравствует полет воображения! Если его как следует отрегулировать да развить, он избавляет от многочисленных неприятностей и катастроф нравственного порядка.

Во-вторых, у Ирины Викторовны имеется хорошо отлаженный и надежный инструмент, позволяющий во всех аспектах воплощать порывы этого самого изощренного воображения на практике. Да, тут вот такой маленький нюансик: воображение – это, конечно, хорошо, но если оно ничем не подкреплено в практическом плане, это просто душевные терзания и чистой воды мысленное самоудовлетворение вручную, простите за грубость.

Итак, инструмент имеется – это муж. Тот самый типаж, который так нравится Викуше. Тот самый Александр Евгеньевич, здоровенный волосатый сибиряк с темпераментом медведя-шатуна, недюжинными мужскими способностями и рабски послушный любому волеизъявлению обожаемой супруги. Повращается наша дама в свете, нахватается впечатлений, затем – шашть! К мужу в койку. И вертит его как ей заблагорассудится: сделай так да сделай этак – а сама при этом мчится вдаль на волне своего прихотливого воображения. Очень удобно – дешево и безопасно, никаких последствий. А порой, когда совсем уж чувства нежные душат, Ирина Викторовна снимает дорогой номер в приличном отеле, тащит своего благоверного туда, одевает как ей заблагорассудится, опрыскивает приличествующим случаю парфюмом, добавляет необходимые аксессуары: свечи, шампанское, музыку, острые закуски и занимается *этим* вне ложа. На столе, на спинке кресла, на подоконнике – и так далее. Единственное требование к мужу: «Ты только молчи, ради бога, родной мой, рот свой сибирский неотесанный мужланский не разевай...»

– Мачо – это хорошо, – задумчиво произнесла Ирина, возвращая телефон на исходную позицию и с интересом глядя на вошедшую в кабинет Верку с пакетиком – слегка запыхавшуюся, но вполне удовлетворенную результатом поездки. – Но, извини, Викуля, – сегодня никак. Я тебя очень люблю, пышка ты моя сдобная, но... развлекайся одна. Это ведь твой рогатый укатил на три дня, а мой безрогий, увы, постоянно при мне. И все время требует исполнения непосредственных обязанностей – как стемнеет, а то и раньше. Как штык. Так что – целую, радость моя...

– Я нашла его, Ирина Викторовна, – доложила Верка, разоблачаясь и готовясь к процедуре. – За счет клуба записать?

– Запиши на мой, – смиростивилась Ирина. – И – я тебе дарю его. За моральный ущерб. Мни давай – мне скоро ехать...

* * *

...Пообщавшись с супругой, президент фирмы «Ира» Александр Евгеньевич не стал зазорно кричать «О-е!» и изображать характерный жест выставленным вперед локтем, подражая американским киногероям. Несмотря на внешнюю столичность и светскость, он так и остался до мозга костей дремучим сибирским мужиком, имел свои специфические понятия о патриотизме и за два десятка лет проживания в большом городе таежных привычек насовсем не утратил. А потому, аккуратно нажав на мобильнике кнопку отбоя, ласково отложил телефончик в сторону, с хрустом потянулся и, улыбнувшись во весь рот своему некачественному отражению в полированной столешнице, счастливо прошептал нараспев:

– За-е-би-ись!!!

Затем двумя рывками избавился от галстука, глянул на часы и, нажав кнопку селекторной связи, отдал распоряжение секретарше:

– А ну, сделай мне заведующего районным филиалом. И – свободна.

– Заведующий на проводе, – доложила спустя несколько секунд секретарша. – Я пошла?

– Пошла, пошла, – разрешил президент и буркнул: – Ну?

– Александр Евгеньевич? – настороженно осведомился динамик селекторной связи голосом заведующего районным филиалом.

– А-а-а, это ты?! – будто давным-давно не виденному другу сказал президент заведующему, с которым общался сегодня несчетное количество раз. – Рад, рад... А чего домой не идешь? Рабочий день кончился вроде.

– Так это... – заведующий замялся. – Вот как раз собирался – кое-какие вопросы нужно закончить...

– Отчет посмотреть, звякнуть Маме насчет Салыкова, – в тон добавил Александр Евгеньевич. – Да? Понимаю – важные дела. О-очень важные!

– Я не... право, даже и не знаю, Александр Евгеньевич, откуда вы такое могли... – рассыпался от неожиданности заведующий – в обычное время, коли к стенке не прижимать, мужик, в общем-то, хваткий, сметливый и языкастый. – Право, это какая-то ошибка, я даже и... Зачем мне Маме... пардон, Ирине Викторовне, право...

– Да хоть право, хоть лево – ты Маме стукнул, больше некому! – вполсилы рявкнул президент, легонько пристукнув кулачищем по столу: органайзер подпрыгнул, жалобно дзенькнув содержимым. – С потрохами сдал! Контра ты, Мишаня, – вот что я тебе скажу. А вот теперь ты скажи мне: что я сейчас буду с вами делать?

– А что вы с нами будете делать? – после непродолжительной паузы поинтересовался заведующий со сквозящей заинтригованностью в голосе, но без должной робости – прекрасно знает стервец, что президент каждого усердного работника ценит на вес золота, ругать может сколько влезет, а вот насчет сильно обидеть деньгой или паче того уволить – только в самом крайнем случае, за большие личные заслуги перед обществом. Это нужно, как Салыков, регулярно опаздывать на совещания, несколько раз нажраться и при этом попасться на глаза главе фирмы.

– А я вас поручительством скреплю, – игриво сообщил Александр Евгеньевич и коротко хохотнул, довольный своей скоропостижно родившейся задумкой. – Как в старые добрые времена, при социализме.

– То есть вы хотите сказать, что я должен поручиться за Салыкова? – с некоторым облегчением выдохнул заведующий. – Это – всегда пожалуйста. Я вас заверяю, что приму все меры... что проведу соответствующую работу, предотвращу последствия, прослежу...

– Ты лучше проследи за сосками своей секретарши, – наставительно порекомендовал Александр Евгеньевич. – Как торчком стоят, набухли – значит готова. Дверь на замок и – вперед... Нет, гусь лапчатый, так не пойдет – неконкретно это. Вы у меня его всем табором на поруки возьмете. Помнишь, как раньше в трудовых коллективах нарушителей брали на поруки?

– Мы-то, конечно, возьмем – без проблем, – несколько удивился заведующий. – Но вам-то что это даст? Моего поручительства недостаточно?

– Мне это даст деньги, – не стал скромничать Александр Евгеньевич. – А твоего недостаточно, потому что – мало. Мне больше нравится, когда много. Тут только будет небольшая разница... Раньше же как на поруки брали – безадресно, скопом. Когда отвечает коллектив – не отвечает никто, старый принцип социализма. А сейчас как мы поступим?

– И как же мы поступим? – настороженным эхом отозвался заведующий.

– Соберем заявления со всех, кто желает брать на поруки Салыкова, – пояснил Александр Евгеньевич. – А в тексте заявления должен быть такой пунктик: как только Салыков нажрется в очередной раз, прошу удержать с меня премию по итогам месяца. За то, что поручился за такую скотину. Нормально?

– Но это же произвол! – нахально возмутился заведующий. – Ничего себе – нормально! Ни в одном договоре нет таких пунктов, в соответствии с которыми за чью-то провинность можно наказывать другого! Это черт знает что такое, извините меня, Александр Евгеньевич!

– Извиняю. В договоре также нет ни одного пункта, предписывающего мне удерживать алкоголика, допускающего неоднократное употребление спиртного в рабочее время, – как по писаному отчеканил Александр Евгеньевич. – А есть как раз наоборот – читай раздел шестой, пункт три. В случае с Салыковым мы с вами выходим за рамки договора. По вашей, между прочим, инициативе. Я никого не заставляю писать эти дурацкие заявления. Не хотите, дело ваше, я сейчас же приказ подпишу, завтра – расчет. Желаете пьянчугу в своем коллективе сохранить вопреки всем нормативным положениям – так и быть, пойду вам навстречу. Но уж и вы не увиливайте. Я выхожу за нормативные рамки – и вы тоже. Кто там у вас без Салыкова жить не может? Отдел? Весь филиал? Для меня – чем больше, тем лучше. Пусть жрет на здоровье, я вашу премию с удовольствием заберу. Нравится?

– Вот вы... право, как-то вы все это нестандартно повернули... – с сердитой растерянностью пробормотал заведующий. – Не думаю, что это вызовет бурю восторга у сотрудников – даже тех, кто действительно пострадает с уходом Салыкова... Однако мне нужно пообщаться с людьми, я сразу так не готов вам...

– А сразу и не надо, – великодушно разрешил Александр Евгеньевич. – Завтра на совещание ко мне не надо – я сам к вам подскочу. Собери в 9.30 весь филиал, поговорим. Только мне без агитаций там, смотри! Дело сугубо добровольное, никакого принуждения. Насчет суда и не заикайся – я проконсультировался с нашим юристом (тут президент, мягко говоря, несколько преувеличил – сами понимаете, идея пришла к нему совершенно спонтанно, какие могут быть консультации!). Хочешь порадовать за товарища, веришь, что он оступися ненароком, – пиши. Не веришь – пошел товарищ в жопу, премия дороже. А то смотри, может, мы и разговор зря ведем и тебе уже перехотелось за Салыкова просить?

– Я, право, затрудняюсь... – признался заведующий.

– Ты мне это «право» брось – это слово-паразит, – назидательно пожурил подчиненного Александр Евгеньевич. – В любом случае – если передумаешь, позвони завтра до 9.00. Чтобы я не тратил время на езду в ваши края. Все – бывай, не кашлай...

Вот так мимоходом расправившись с делами, Александр Евгеньевич резко крутанулся в кресле к небольшому плакатику, прищпандоренному на стене сбоку от рабочего стола – чтобы не бросался в глаза посетителям. И, завершая рабочий день давно сложившимся ритуалом, с удовольствием озвучил содержание плаката, стараясь подражать некогда слышанному в тайшетском поселковом клубе суровому социалистическому поэту, с надрывом вещавшему ужратым в дрезину бамовцам о сказочной романтике железных магистралей, гармонично сочетающейся с необходимостью ударно трудиться во благо Родины.

...Нервы в кулак – чувства в узду,
работай – не ахай!
Выполнил план – посылай всех в п...ду!
Не выполнил – сам пошел на х...й!

В. Маяковский

Многие, кто имел в фирме право голоса, сильно сомневались в подлинности авторства В. Маяковского и вообще за плакатик этот скандальный Сашу порицали. Но он упорно боролся с такими порицателями и снимать плакатик не желал: там был помимо текста карикатурно изображен расхристаный мужлан сельскохозяйственного типа с шалыми глазами, молотком в одной руке и бутылкой водки в другой. И знаете, глядя на изображение, у каждого сразу создавалось поразительное впечатление, что мужик закончил работать, молоток собирается упрятать в ящик с инструментами, а водку выпить – с глубоким чувством исполненного долга. Плакатик за пять минут накатал большой друг Саши – какой-то безвестный столичный карикатурист, который всегда говорил ему что-то типа: «От тебя прет первобыт-

ной силой, здоровьем и чистотой. Храни это. Не давай окружающим урбанизировать твою самобытную натуру...» Карикатурист тот вскорости помер. Теперь снимать плакатик – вроде как предать память о хорошем человеке. Вот и пусть себе висит, напоминает о смысле бытия.

Солидарно подмигнув мужлану на плакатике, Александр Евгеньевич в предвкушении полноценного отдыха потер ладони, подвинул к себе мобильник и занялся организацией предстоящего вечера.

Сначала позвонил коммерческому директору – Назаряну, который третий день грипповал без выезда на работу. Как раз в этот период по столице прошуршал какой-то вздорный вирус, избирательно зацепивший преимущественно почему-то рыхлотелых толстяков, страдавших тревоугодием и малой подвижностью.

– Я болею, – с ходу начал качать права Назарян, услышав в трубке голос шефа. – Да и рабочий день уже – того. Ты мне еще пару дней дай поваляться, в пятницу буду – как огурчик.

– Мне нужно алиби на сегодняшний вечер. Выручай, Карен, – пропустив тираду коммерческого мимо ушей, попросил Александр Евгеньевич.

– На какой период? – несколько настороженно уточнил Назарян – тертый хитрован в житейских делах, все схватывающий с полнамека, но вечно опасющийся каких-либо подвохов. Согласитесь, если человек звонит и просит организовать алиби, значит, есть все основания предполагать, что он планирует заняться какими-то неблагоприятными делишками и косвенно собирается втянуть тебя туда же.

– От семи вечера и до полуночи. Для Ирины. Понимаешь – ее предки опять званый ужин устраивают...

– А-а, вон что, – облегченно вздохнул Карен – он прекрасно знал о непростых отношениях президента фирмы с номенклатурным окружением Ирининых родителей. – Ну, замечано. И где мы?

– Поехали к нужным людям, которые могут помочь с землей для расширения районного филиала, – простецки выдал Александр Евгеньевич. – Настолько нужные люди, что пришлось больного из дома вытаскивать. Угу? А детали сам придумай, мне завтра скажешь. Только вот с Анжелой – как?

– Давай уберем, – понизив голос, предложил Карен. – Она в последнее время слишком много болтает. Сколько сейчас стоит «заказать» толстую вредную армянку с тремя фарфоровыми зубами?

– Армянские шуточки, – оценил Александр Евгеньевич. – А серьезно?

– Серьезно? – Коммерческий как будто призадумался, затем с воодушевлением выдал: – Ага! Прокачусь-ка я в «Апэнддаун»! Три дня валяюсь – со скуки чуть не сдох. А Анжеле скажу, что с тобой – к людям. Если что, подтвердишь. Давай я сейчас пройду на кухню, а ты позвони еще раз. Анжела как раз на стол собирает – мы ужинать будем. А я повозмущаюсь – поужинать не дал, больного из дома вырвал. Идет?

– Вот черт... ну, ладно, давай, – без особого энтузиазма согласился Александр Евгеньевич – возможная перспектива общения со своенравной женой коммерческого, патологически не переносившей нарушителей домашнего распорядка, совсем не вписывалась в атмосферу маленького мужского праздника, обещанного шестичасовой свободой и грядущими приятными приключениями. Но, как известно, бесплатные пирожные бывают лишь в гуманитарной помощи слаборазвитым регионам – такое алиби, как Анжела, следовало заработать.

Алиби удалось вырвать без особых эксцессов – общаться с Анжеликой не пришлось. Хитромудрый Назарян чего-то наплел своей супружнице, сердито буркнул в трубку: «Сейчас выезжаю», – и отключился.

– Ну, слава богу, – возрадовался Александр Евгеньевич, однако не преминул ворчливо добавить: – В «Апэнддаун», видите ли, ему приспичило. Мерин старый...

Второй звонок был по существу: Ибрагиму. Вот тут получилась небольшая заминка, чреватая срывом тщательно спланированного мероприятия.

– Извини, дорогой, сегодня не получается, – виноватым голосом сообщил Ибрагим. – Понимаешь – друзья попросили. Хорошие друзья, никак нельзя отказать – обидятся. Я же не знал, что ты сегодня захочешь. Почему заранее не предупредил? Я бы что-нибудь придумал.

– Вот так номер... – озадаченно пробормотал Александр Евгеньевич. Ибрагим с утра инспектировал пригородные АЗС, в головном офисе не появлялся, а специально вызывать его для решения такого интимного вопроса было как-то недосуг, неудобно, небезопасно. Кроме того, в течение дня Александр Евгеньевич еще не мог поручиться, что удастся уговорить повелительницу избавить его от присутствия на ненавистном званом ужине. Да и сложившаяся за полгода установка подвела – до сего момента «блатхата» Ибрагима в любое время была готова верой и правдой послужить президенту «Иры». – Вот так ничего себе... А тебе Адил ничего не говорил?

– Я его уже три дня не вижу, – печально доложил Ибрагим. – Молодой, ветер в голове – сказал же, приходи каждый день кушать, обедать, ужинать. Не приходит. Бывает, на неделю пропадет – потом говорит, что занят – экзамены там, зачеты, туда-сюда... Что с этой молодежью творится – вообще головы на плечах нет!

– Ну и что мне теперь – номер в гостинице снимать? – сердито воскликнул вконец растерявшийся Александр Евгеньевич – до сих пор ему ни разу не приходилось опускаться до решения таких, казалось бы, мелких и незначительных вопросов, которые требовали наличия определенного житейского опыта и специфической практики. – Ну... хоть подскажи, куда там поехать, чтобы... Чтобы никто не знал и прилично было... Вот черт!

– Зачем гостиница, дорогой? – обиженно воскликнул Ибрагим. – Место всегда есть, это не проблема. Просто обидно, что так получилось, нехорошо как-то получилось, неожиданно... А место есть – тоже, между прочим, неплохое место, тихое, спокойное, приличное...

– Адрес давай, – буркнул Александр Евгеньевич, вытягивая из органайзера карандаш и доставая блокнот – потом нужно будет запомнить и стереть, как бы Мамочка не залезла ненароком.

Ибрагим продиктовал адрес. Александр Евгеньевич, хорошо знавший расположение улиц ставшего родным города, несколько просветлел лицом: имелось затаенное опасение, что экстренно обнаружившаяся «явка» Ибрагима будет располагаться у черта на куличках – где-нибудь в Южном Чертаново або в Северном Бутово, и окажется каким-нибудь гнусным вертепом, набитым венерическими малолетками и обкуренными казбеками (так Саша, слабо разбиравшийся в национальных особенностях кавказских народов, навеличивал всех подряд кавказцев, включая и соплеменников Ибрагима – ингушей. А хитроумного Назаряна, между прочим, кавказца тоже, он к данной категории и не думал относить, потому как *столичные армяне* давненько перестали быть для всех явно выраженными носителями этноса и трансформировались в *коренных москвичей*). Против ожидания адрес оказался в районе Крымского Вала – двадцать минут езды от головного офиса «Иры», если по прямой и без автопроисшествий.

– Ну и что у нас там? – все так же ворчливо поинтересовался Александр Евгеньевич, не торопясь выпускать вроде бы проштрафившегося заместителя из виноватого состояния. – Коммуналка с чугунной ванной и одним толчком на восемь семей?

– Зачем обижаешь, дорогой! – аж взвизгнул Ибрагим, от возмущения путаясь в родах и числах: – Хороший квартира, нормальный, приличный – три комната, бабка один, обстановка туда-сюда, все есть!

– А что за квартира? – несколько сбавил тон президент: услуги, между прочим, ненормативного характера, сугубо личные и экстренные к тому же – не стоит так нагнетать обстановку из-за собственной безалаберности. – Соседи, обстановка... как там? Что за бабка?

– Все нормально, все хорошо, – поспешил заверить Ибрагим. – Все прилично. Кухня, ванная, спальня – все в твоем распоряжении. В большой комнате музыкальный центр, всякие диски. Видяшник тоже есть – всякие кассеты есть. Я позвоню. Придешь, скажешь – от Ибрагима, бабка к себе в комнату спрячется – гуляй как хочешь. Она за это деньги получает. Только машину во двор загони, не бросай снаружи. Там арка есть – въезд во двор. Снаружи пацаны могут зеркало открутить или «дворники» – есть там такое. Которые во дворе машины есть, те не трогают, типа своя территория. А так – все прилично...

– Ну и славно, – отмяк сердцем Александр Евгеньевич. – Во двор так во двор. Молодец, Иба, выручил. Бывай, не кашляй...

Позвонив в гараж, президент «Иры» велел подогнать свой рабочий «Volvo-S80» к парадному, а водителя отпустил, распорядившись явиться завтра как обычно. Затем sprysнулся одеколоном, надел плащ и покинул головной офис. Охранники в вестибюле, наблюдавшие за отъездом главы фирмы, восприняли факт самоличного автовождения хозяина как нечто вполне ординарное и даже обсуждать промеж себя не стали – Александр Евгеньевич слыл большим любителем поручить и частенько обходился без услуг шофера.

– Эх, и люблю я это дело! – воодушевленно воскликнул Саша, резко разгоняясь на коротком отрезке, врубая магнитолу и с пробуксовкой и тормозным скрежетом сворачивая налево за угол. Вираз получился вполне голливудский – чуть правым фонарем телефонную будку не зацепил. Выровняв «Volvo», наш лихач утопил по шляпу педаль газа и от избытка чувств продекламировал с подвывом: – Девки – в кучу! По ранжиру – становись! Гром гремит, земля трясется, по Москве ебун несется! Ух-х-х, я вам задам...

Да-да, уважаемый читатель, предвижу, что кое-кто на этом самом месте досадливо крякнет, испытывая горькое разочарование, а иные (которые сами такие) обрадованно воскликнут: «Ага! А что это за возгласы ненормативного характера он там издает, уподобляясь пьяному прапорщику, по недоразумению угодившему в раздевалку женской бани? И куда, вообще говоря, покати́л этот президент-работяга, добродетельный отец семейства, достойный муж своей верной жены?!»

Ну что за вопросы, дорогие мои? Куда, куда... Абзацем выше написано же – за угол. Налево...

Глава 3

Принцип «меньшего зла»

...Некоторые считают, что у них доброе сердце. На самом же деле у них просто слабые нервы...

Мария Э.Эшенбах

– А ну – бегом оба в машину, – распорядился Антон после недолгой паузы, отбирая у Сашко карабин и прикладываясь в сторону «таблетки». – Сашко – за руль, нога на газ, ключ на взвод. По команде – старт.

– Может, завести сразу? – проявил инициативу Сашко. – Пока прогреется, то да се...

– Нас оттуда не видно. Не стоит раньше времени привлекать внимание. И не вздумайте прудить в костер, – не оборачиваясь, произнес ровным голосом Антон.

Казачата озадаченно переглянулись: они как раз встали у костра и приспустили штаны – на предмет быстренько ликвидировать пламя как демаскирующий фактор.

– Спиной чувствует, – уважительно прошептал Серьга, поправляя штаны. – Во какой! А атаман сказал – кто костер оставит в дровах, быть пороту на съезжей. Скажи ему – может, он не знает?

– Все он знает, – торопливо буркнул Сашко, тоже подтягивая штаны. – Прально грит: ща прыскать учнем – дыму будет невпроворот. Айда...

«Таблетка» медленно сползла по крутояру, с грехом пополам миновала брод и встала напротив расположившихся на пикник омовцев.

– А и вовремя же вы присели тут, хлопцы, – одобрительно заметил Антон, переводя прицел на дымящийся переносной мангал, от которого трусцой спешили трое, требовательно размахивая оружием и что-то крича. – Те же и... – хмыкнул Антон, рассматривая троицу: Колян и новенькие – «притертый» со своим водилой остались у мангала. Поближе к жратве, подальше от неприятностей. Вот он, опыт-то! – И без «и», – закончил Антон. – Просто те же. Бдительность – наше оружие... Ну-ну...

Троица между тем безотлагательно приступила к осмотру «таблетки». Подручные Коляна встали в пятнадцати метрах, направив стволы на машину, а сам «большой» отчего-то вдруг снизошел до выполнения обязанностей второго номера досмотровой группы, которого, кстати, в известных ситуациях убивают самым первым: распахнул все дверцы, поднял капот и выдворил наружу путешественников. Таковых оказалось всего двое: чеченский дед в папaxe и молодая горянка, готовая, судя по остро вздувшемуся животу и замедленным неловким движениям, в любой момент подарить этому хмурому миру новую жизнь.

– Действительно, рожать везут, – успокоился Антон, мгновенно прибросив в уме расположение близлежащих населенных пунктов с той стороны границы. Национальная гордость и суверенитет – это, конечно, дело серьезное. Но в радиусе 50 км единственная цивилизованная больница – в казачьем райцентре. И чеченка из богатого тейпа: те, что попроще да победнее, по нонешней сумятице рожают дома, под присмотром бабки-повитухи...

Поставив задержанных у капота, Колян с минуту торчал у боковой двери отсека для транспортировки лежащих больных и, оживленно жестикулируя, разговаривал с кем-то, обретавшимся внутри.

– Лежачий, – предположил Антон. – Возможно, «трехсотый»⁸. «Дух»?

Колян, пообщавшись с тем, кто был в салоне, достал из кармана пачку сигарет, одну заложил за ухо, а пачку, просунувшись в салон, презентовал.

⁸ Раненый – военный жаргон.

– Наш «трехсотый», – с некоторым удивлением констатировал Антон. Табачком на войне делятся только с товарищами, будьте уверены, никому из противного стана и сигаретку не дадут. Разве что перед расстрелом в качестве выполнения последней просьбы. – Однако странный букет. Две нохчи и наш «трехсотый» – что бы это могло быть?

Убедившись, что в машине никто не прячется, а запрещенные к провозу предметы отсутствуют, Колян сделал знак подручным, чтобы подошли поближе, и приступил к индивидуальному осмотру граждан – иначе говоря, принялся обыскивать чеченского деда и молодую горянку.

С дедом проблем не возникло – папаху и бекешу долой, ощупал, обхлопал всего с ног до головы, помял верхнюю одежду, рубаху расстегнул до пупа: плечи и пальцы рук – к осмотру! Обнаруженный на поясе у деда нож – какой же нохча без ножа! – отобрал в качестве сувенира – нечего с холодным оружием разгуливать. Вот и все, собственно. Принять вправо, отойти на пять шагов, повернуться спиной, ждать команды. Обыскивать омовцы умеют – работа такая.

С молодой чеченкой возникли сложности. Скидывать верхнюю одежду она не пожелала, а когда омовец попытался ухватить даму за отворот теплой меховой куртки, она сильно ударила невежду по руке и что-то сказала – судя по изменившейся физиономии старшего досмотровой группы, явно не комплиментарного характера.

Колян раздумывал недолго: изловчившись, он ухватил-таки дамскую куртку за отворот, дернул, обрывая пуговицы, и сильно толкнул чеченку к капоту, разворачивая спиной к себе. Женщина пронзительно крикнула – слышно было даже у штабеля, на котором залег Антон. Дед чеченский отреагировал соответствующим образом – развернувшись, он скрючил перед собой руки и шустро поковылял к обидчику, намереваясь, очевидно, не откладывая в долгий ящик, преподать тому урок вежливости. Один из подручных Коляна, заученным движением рванув автомат с плеча, в два прыжка догнал деда и долбанул его прикладом в голову. Старик рухнул на колени, уперся руками в грязь и принялся мотать головой – видимо, не понял, что это с ним такое приключилось.

Второй подручный между тем поспешил на помощь «большому»: вдвоем они припечатали чеченку к капоту, содрали с нее куртку и платок и грубо обыскали, не преминув для успокоения залепить пару увесистых пощечин – женщина рвалась из их рук и пыталась кричать.

– Вояки, мать вашу, – неодобрительно процедил Антон, переводя прицел на сидевших у костра «старожилов» – «притертого» и его водилу. «Старожилы» не вмешивались, один ворочал шампуры с шашлыками, второй лениво курил, безучастно наблюдая за обыском.

– А поправить некому? – пробурчал Антон. – Кто-то вроде бы сказал, что кое-кому тут жить полтора месяца. А такими темпами... такими темпами жить вы будете гораздо меньше. Завтра весь тейп этой роженицы засядет на соседнем берегу и устроит охоту за всеми, у кого рожа толще положенной нормы. Пойти, что ли, намекнуть, что не правы? А то больно шустрые – в первый-то день...

Надо вам сказать, что наш парень в течение последних пяти лет существовал в режиме личной войны с отдельными представителями чеченского народа. И разумеется, как к этим самым представителям, так и ко всему народу в целом, мягко говоря, симпатий не испытывал. Это ведь только наши политики и правозащитники во весь голос орут, что мы-де воюем не с чеченским народом, а с отдельно взятыми бандитами – «духами» то бишь. Народ не виноват – это аксиома. Но каждый, кто хотя бы некоторое время был на этой войне, прекрасно знает, что «духи» эти пресловутые отнюдь не с Марса прилетели, а есть самая что ни на есть плоть от крайней плоти своего народа. У каждого «духа» имеется семья, которую он обеспечивает всевозможными способами, кормит, поит, снабжает рабами, строит для этой семьи особняки-крепости и вообще всячески тащит к светлому будущему. А помимо соб-

ственной семьи существует еще и тейп, общественное образование, состоящее из родственников различной степени дальности – братья-сестры, дяди-тети, двоюродные братья-сестры и так далее. Тейп никогда не даст в обиду своего «духа» и не изгонит его из своих рядов за скверное поведение. С чего бы это вдруг?! «Дух» занят праведным делом – он воюет с неверными под священным знаменем газавата-джихада. А то, что он грабит, убивает, насилует, занимается распространением наркотиков и работорговлей, – так это же во благо тейпа, семьи и – что самое главное – против неверных. А неверный – это уже другая категория. Это вроде бы и не человек. Случаются, правда, досадные исключения. Чего, спрашивается, к братьям-дагестанцам поперся? Совсем оборзел или шалы⁹ курнул сверх нормы? Да нет, ничего он там не оборзел и не курил вовсе. Тут все просто. Эти самые братья во исламе скурвились в одночасье – тотально продались неверным и таким образом перешли в разряд предателей. Тоже не человеки. Кяфиры. Ату их, ату! Нечего продаваться кому попало.

В общем, «дух» занят праведным делом, пашет во благо семьи и тейпа, а тейп за то его всячески поддерживает: кормит в лихую годину, прячет, снабжает всем необходимым, при возникновении критической ситуации встанет за него грудью в лице старейшин или слаженного громогласного женского коллектива. Не надо спецоперации, подайте нам «мягкую» зачистку, отвечаем, чем хотите, что «духов» в селе нет, все ушли в горы. Испарились. Так давайте же проведем совместную проверку паспортов и будем жить в режиме вынужденной братской дружбы. А «духов» меж тем попрятали по схронам, оружие прикопали, рабов заложили плитами в зинданах – поди поищи. И – улыбка во всю бороду, местное вино и ритуальный шашлык из молодого барашка да со свежее испеченным лавашом. Ну а как федералы ушли, «духи» отоспались-отъелись, перегруппировались и потопали себе воевать дальше. Эх, хорошо в стране чеченской жить!

Вот и получается, что мы-то, конечно, с народом не воюем. Мы проводим контртеррористическую операцию против бандформирований. Однако народ этот – уж давайте называть вещи своими именами и смотреть в лицо исторической правде, – народ по мере сил прилежно участвует в войне. За редким исключением. Исключение – это та часть народа, чьи родовичи волею случая в «духи» не попали. А ежели какой правозащитник клокастый-бородатенький вдруг визгливо заорет, что это есть шовинизм и разжигание межнациональной розни, то его следует попросить внятно ответить на простой вопрос. Не так, как они привыкли обычно: «...следует рассмотреть прецедент в соответствии с нормами международного права и учетом специфики обстановки в регионе...». Не надо «с учетом» – у нас декларативное верховенство закона и тотальное равенство всех граждан перед оным законом. А ежели равенство, то извольте, без экивоков, конкретно: «да» или «нет». Ты, правозащитник, с Уголовным кодексом РФ знаком? Его шовинисты писали или где? Не шовинисты, нет? А-аа! Вот оно. А как в таком случае, скажите на милость, классифицируется тот, кто всячески помогает бандиту, снабжает его всем необходимым, укрывает бандита, дает наводку-информацию и живет исключительно за счет несправедно добытых бандитом средств, заведомо будучи прекрасно осведомлен, чем оный бандит занимается? Правильно – это соучастник. Имя ему пособник в соответствии с категориями УК. А если этот соучастник еще и постоянно твердит бандиту, вдалбливает ему в башку с детства: «...Ты, мужик, должен любыми способами обеспечивать свою семью, не волнует, каким боком и за чей счет... и неплохо было бы парочку новых рабов из рейда притащить – те наши русаки на горном пастбище сдохли от недоедания...» Так вот, этот соучастник зовется подстрекателем – по все той же классификации УК. А эти соучастники, между прочим, в соответствии с действующим цивилизованным законодательством подлежат уголовной ответственности наряду с организо-

⁹ Шала – анаша на местном диалекте.

рами и исполнителями. Только срок таким соучастникам дают поменьше – не они же убивают...

– Но этак недолго и до фашизма! – обиженно воскликнет правозащитник. – Этак можно целый народ в пособники и подстрекатели записать! А народ не виноват – смотри выше – это аксиома!

Да нет, дорогие мои, не собираемся мы целый народ в пособники бандитские записывать. Мы, русские, издревле страдаем манией всепрощения и в этой связи на многое смотрим сквозь пальцы. Потому-то мы воюем только с «духами», а тех полтора-два-три десятка родичей-тейпарей, что стоят за спиной у каждого «духа», в упор не замечаем. Иначе никак не выходит – элементарная арифметика дает такую цифру, что с очевидной неизбежностью встает страшный вопрос: это что же получается, господа хорошие? поголовное большинство народа – враги?! А значит, и народ... кто? Ай-я-яй! Нет, так не пойдет. Нецивилизованно это. Как-то сразу звон кандалный слышен, затхлым смрадом сталинских застенков наносит, таким репрессивным тоталитарным душком...

Так что остаемся на прежних позициях: только «дух» – явный враг, остальных, кто с ним кровно связан, вроде бы в природе и не существует. Пусть себе пособничают и подстрекают помаленьку – мы привыкли. Мы терпеливые. Геноцид против русских в Чечне терпели – и это потерпим. Но и отношение к такому народу у русского ратного люда – соответствующее, уж не взыщите. И если на границе каждую беременную чеченку с нездоровой пристальностью шупают за живот, так это вовсе не извращение, а патологическая уверенность в том, что вместо родовой вспученности может оказаться искусно сработанный контейнер с гексогеном, пластиком, наркотой, оружием, фальшивыми баксами и прочей прелестью ичкерского производства...

Итак, Антон особой приязнью к горцам не пылал и в силу своего тяжелого военного прошлого морально был всесторонне закален: кое-кто даже назвал бы это душевной черствостью. В обычное время он наверняка не обратил бы внимания на столь бесцеремонное обращение с беременной чеченкой и скорее всего равнодушно отложил бы карабин в сторону, чтобы продолжить прерванный на самом интересном месте обед. Но вот ведь дело в чем: немногим более месяца назад наш заслуженный специалист убойного цеха, едва разменявший третий десяток, впервые в жизни стал отцом.

Красавица-казачка Танька – мать вредных шалопаев, что изнывают сейчас от любопытства в «Ниве», родила Антону крепенького мальчугана, которого в память о погибшем отце Сашко и Серьги назвали Ильей.

Стало быть, сподобился боевой пес – удостоился посвящения в отцовство. А человеку, известное дело, такая прихотливая скотина, что ему глубоко плевать на все беды и невзгоды, каковые происходят вне его сферы жизнедеятельности – у онемеченных негров в ЮАР, например, либо в пресловутом знойном Мозамбике. Зато любого индивида глубоко волнует все, что он пережил лично, так сказать, через себя пропустил. А уж Антон-то испереживался за последние два месяца перед родами – слов нет, одни всхлипы и междометия все больше ненормативного характера. Следил ревностно за каждым шагом своей милки, берег пуще глаза, работать по дому не давал, не знал, куда и посадить, – не дай бог, вздумай кто к животу прикоснуться или, пуще того, толкнуть ненароком – порвал бы на части! Пацаны невесомыми тенями по стеночкам перемещались, разговаривали шепотом, вздохнуть громко боялись – прибьет батька! Такие вот неожиданно свалившиеся откуда-то ощущения и чувства – отцовство, одним словом...

И вот смотрел себе в прицел наш парень, наблюдал и вдруг с отчетливой ясностью представил себе, что так, как сейчас омовцы с чеченкой, кто-то мог бы поступить и с его ненаглядной. И, крикнув смущенно, решил для себя: «Ладно... Ежели по животу бить станут или, не дай боже, драть пристроятся – шумну. Не хрен баловать, вояки фуевы...»

Однако вмешательство не потребовалось. Закончив обыск, омовцы отдали чеченке верхнюю одежду и вернулись к деду, который к тому моменту успел несколько прийти в себя и подняться на ноги. О чем они разговаривали, Антон, сами понимаете, слышать не мог, но по тому, как энергично Колян размахивал перед носом у старика изъятым ножом и производил отмашки в сторону райцентра, легко можно было догадаться, о чем идет речь. Деда наверняка страшили сказочной перспективой провести ближайшие тридцать суток на «фильтре» за сопротивление сотрудникам при личном досмотре и незаконное ношение холодного оружия. Разумеется, имело место форменное придирачество и нездоровый кураж властей предрежащих: все до единого чеченские мужики таскают с собой ножи – бзик у их такой, понимаешь ли, так что можно сразу выводить всю Ичкеррию мужеска пола на дорогу и строевым шагом конвоировать на «фильтр». А сопротивление – вполне нормальная реакция на хамское обращение с беременной дамой. Антон, искушенный в подобных вопросах, ожидал, что дед, еще не совсем оправившийся от удара, пошлет нахалов подальше и укатит восвояси. Но старик то ли воспринял все всерьез, то ли решил просто не испытывать судьбу, но в итоге полез в папаху, поковырялся, достал что-то и протянул Коляну.

– Взятка при исполнении, – прокомментировал Антон. – Если ничего не изменилось за последние три года, статья 290, часть четвертая – с вымогательством. Нехорошо! А папаху, между прочим, плохо досмотрели – не обнаружили ничего...

Получив мзду, Колян с подручными тотчас же утратили интерес к чеченским гражданам и вернулись к «притертому», который уже устал зазывно махать рукой и потрясать шампуром с шашлыком, намекая, что все готово и давно пора бросить к чертовой матери этих неурочно свалившихся на их головы «чехов».

– Ну и ладушки, – резюмировал Антон, проводив взглядом удаляющуюся к опушке леса чеченскую «таблетку». – Теперь можно и картошки поесть – как раз пропеклась... А ну, обормоты, – к машине! Если вы прямо сейчас начнете укладывать дрова в прицеп, я не буду иметь ничего против. А кто начнет задавать дурные вопросы, тот домой пешком пойдет...

– Нуу-у-у! – обиженно протянул Сашко. – Прямо и не спроси...

– А тут и пешедралом недалече, – рассудительно заметил Серьга, надевая верхонки и направляясь к куче дров. – А чо там было-то? Крик какой-то был... Ась?

– А ничего особенного, – прошамкал Антон с набитым ртом, поедая ароматную пропеченную картошку – не чищенную, а просто разломанную на четверти – и запивая ее остатками молока. – М-м-м – прелесть! Вот ведь опыт-то – это вам не сырую, горелую жрать, тут торопиться нельзя...

– Так чо тама? – нетерпеливо напомнил Серьга.

– «Духи» на «таблетке» – как я и говорил, – равнодушно ответил Антон. – Полтора десятка. Омовцев наших прижучили: троих завалили, двоих живьем взяли. Сейчас пытаются.

– Да ну!!! – в один голос воскликнули казачата и, переглянувшись, синхронно хмыкнули, явно выражая недоверие к такой неправдоподобной сказке, состряпанной на скорую руку.

– А чо тада стрельботни не было? – хитро прищурился Серьга, а практичный Сашко тут же решил развенчать батькину трепологию: – А дай карабин – гляну?

– А неча глазеть, – в тон отвечивал Антон. – Нас оттуда не видно, вот и не высывайтесь. Давай – марш, марш работать. Надо побыстрее укладываться да сваливать отсюда. А то «духи» доедят шашлык, тех двоих допросят, расстреляют и сюда попрутся. Можем не успеть...

Со стороны брода раздался отчаянный крик, затем сочной трещоткой шарахнула длинная очередь – в полмагазина, не меньше.

Лица мальчишек от удивления вытянулись – разинув рты, они уставились на Антона.

– Сам не понял... – растерянно пробормотал Антон, чувствуя, как в груди нехорошо заняло: ох и не похоже это на идиотские шалости, только присели хлопцы, не успели еще укушаться до потребной кондиции!

– А ну – сели, где стоите – сейчас посмотрю, – бросил пацанам, подхватывая карабин и ползком взбираясь на пресловутый штабель.

Пока лез да пристраивался поудобнее с оптикой, от брода еще дважды стрекотнуло: короткие бестолковые очереди почти без промежутка – кто-то то ли для остротки палил в воздух, то ли на ходу огрызался назад, не целясь.

– Ох ты, как нехорошо! – огорченно выдохнул Антон, наскоро обозрев перспективу. – Вояки фуевы, мать вашу!

«Площадка для пикника» представляла собой удручающее зрелище. До недавнего времени (а конкретнее – до перехода федеральных сил через Терек) литовские станичники выставляли здесь дозор: нагромождение камней, густые кусты, некоторая приподнятость над берегом – очень удобное место для наряда, любой, кто рискнул бы преодолеть брод, неизбежно попадал в сектор кинжального огня засевших за камнями казаков. Как раз та позиция, о которой говорят: посади толкового пулеметчика с группой прикрытия, полдня будет батальон держать.

Так вот, это распрекрасное местечко уникально защищенным и прикрытым было лишь со стороны супостата. На нашем же берегу, сразу за камнями, простиралась утыканная чахлыми кустиками лужайка. Аккурат до самой опушки леса, который отстоял от позиции метрах в трехстах. Нет, упрекать казаков в легкомыслии и недалекости не стоит: на самой позиции были вырыты окопы полного профиля, надежно укрывавшие нарядчиков в том случае, если бы враг изловчился вдруг переправиться в другом месте и обойти дозор с тыла. Но окопы давненько никто не обслуживал по причине отсутствия надобности, бруствер смыло осадками на дно, и теперь там зияли неглубокие рывтины, полные жидкой грязи.

В этой грязи, увязнув в буквальном смысле по грудь, сидели двое «старожилов» – «притертый» и его водила. На лужайке, рядом с костром, лежали двое новичков – судя по габаритам, Колян и один из его подручных.

Колян признаков жизни не подавал, а подручный скреб землю руками и характерно подтягивал колени к груди, как это обычно делает человек, получивший пулю в живот.

Третий активно боролся за жизнь – волоча автомат по грязи, он неровными рывками полз к окопам, уткнув голову в землю и судорожно вскидывая руками. От штабеля до брода было немногим более полукилометра, и Антон не мог рассмотреть в прицел, тянется ли за третьим кровавый след, но по манере движения было очевидно, что боец серьезно ранен. И хотя костер с мангалом и окопы разделяло всего лишь два десятка метров, надежды на то, что третий успеет доползти, было очень мало...

– Раз... Два... Три... – насчитал Антон характерные шлепки-всплески в грязи, догнавшие ползущего, и, не выдержав, воскликнул: – Да прикройте же вы, мать вашу!

Увы, насчет «прикрыть» дела обстояли из рук вон. Враг работал откуда-то с опушки, держал лужайку под полным контролем и – ввиду использования ПББС¹⁰ либо какой-нибудь прибабасины аналогичного свойства – был невидим и неслышим для засевших в окопе «старожилов». Кроме того, с точки зрения нормального индивида, который превыше всего ценит свою жизнь и не успел в полной мере заразиться неизлечимой бациллой боевого братства, «старожилы» все делали правильно. Товарищество – это, конечно, сильно звучит... Но высунешь башку из окопа, тебе ее тут же и продырявят. Лучше уж в грязи полежать – несколько некомфортно и непочетно, но относительно безопасно.

¹⁰ Прибор для бесшумной и беспламенной стрельбы, в просторечии – глушитель.

Третьему между тем посчастливилось напороться на крохотную складочку, подарившую ему полтора метра перекрытого пространства, не простреливаемого с опушки. Обострившимся чутьем раненого зверя он вычислил этот бугорок, затаился за ним, вжавшись в грязь всем телом – два запоздалых фонтанчика обозначили габариты ставшего невидимым для снайпера тела, возвращая надежду на счастливый исход неравного поединка.

Но полтора метра явно недостаточно для человека нормального роста – и враг тотчас же взялся это доказать. Антон непроизвольно поморщился, наблюдая, как резко отбросило в сторону левую ногу раненого. Раздался хриплый вскрик, человек за бугорком дернулся, как будто получил мощный электрический разряд, и тотчас же свернулся калачиком, втаскивая ноги в безопасную зону.

– Пизд...ц ступне, – машинально констатировал Антон. – Пизд...ц пацану. Куда там его до этого зацепило, неясно, но даже если только по конечностям – кровью истечет. Если в ближайшие десять минут помощь не окажут...

«Старожилы», затаившиеся в «грязевой ванне», по всей видимости, тоже объективно оценили положение раненого товарища: заворочались, закопошились, водила подлез к краю окопа и изготовился к броску – до раненого каких-нибудь семь-восемь метров, можно решить проблему одним хорошим рывком. «Притертый», собираясь прикрывать огнем, выдернул автомат из грязи, выставил над бруствером, повел стволом в сторону опушки, на ощупь пытаясь выдержать правильный угол.

Водила грузно метнулся из окопа, буксуя по грязи, бросился было к раненому – одновременно «слепой» ствол «притертого» единожды изрыгнул язычок пламени и тотчас же заглох. Ну естественно! Дурное правило, известное каждому нерадивому солдату: выкупал автомат в грязи – заполучи утыкание. Хорошо, что АКСМ – был бы АКС, почти наверняка вспушило бы ствол.

– Вот это ты прикрыл, урод! – буркнул Антон. – Да где же вас этому учат?!

Спасатель, быстро сообразив, что отчаянная попытка спасти товарища сорвалась, шмякнулся на землю и задом поерзал обратно в окоп.

Шлеп! Куртка на правом плече водилы лопнула кровавым разбрызгом, заметным даже с места сидения Антона. Человек дико крикнул, рухнул в окоп и отчаянно заблажил с подвывом.

– Нормально! – зло процедил Антон, сползая со штабеля и семимильными прыжками припуская к «Ниве». – Без Сыча, значит, никак! Ох и достали вы, вояки фуевы...

Достав из багажника второй карабин и боезапас, Антон вручил оружие Сашко, с барского плеча отвалил три запасных магазина – остальные распахал по карманам и снабдил приемышей исчерпывающим назиданием:

– Сидеть за штабелем, не высовываться. Я пойду поработаю. Если оглянусь и увижу ваши любопытствующие черепа – жопы на лоскуты распушу. Бывайте...

Забросив карабин за спину, наш парень минуты три путешествовал на карачках промеж штабелей, стараясь двигаться как можно быстрее и незаметнее – от его расторопности и скрытности целиком и полностью зависела жизнь троих недотеп, в настоящий момент оказавшихся волею случая в совершенно беспомощном состоянии.

Крайний штабель, отстоявший от опушки метрах в двухстах, наблюдательным пунктом можно было назвать с большой натяжкой, а на высокое звание снайперского гнезда он и вовсе не тянул. Однако приходилось довольствоваться тем, что дали – более в обозримой видимости ничего подходящего не имелось. Осторожно выставив верхнюю четверть головы за правый габарит, Антон озадаченно хмыкнул и беззвучно выругался.

Сразу за поворотом, на раскисшей дороге стояла «таблетка», самую малость прикрытая от наблюдателей у брода лысой заволокой придорожных кустов. В том, что это была та самая машина, которую десять минут назад обыскивали у брода омовцы, сомневаться не

приходилось – рядом торчал давешний чеченский дед, малость двинутый по черепу, мирно курил сигарету и, приложив ладонь козырьком к бровям, любовался в сторону брода, выглядывая из-за «таблетки» в пол-лица. Машина располагалась по отношению к Антону анфас навыворот – иначе говоря, кормой к штабелю. Снайпер сидел внутри, то ли в отсеке для транспортировки лежачих, то ли в кабине, определить было затруднительно – и с комфортом работал. За то время, что наш парень любовался обстановкой, стрелок выпустил две пули: вспышек и шлепков Антон не наблюдал, но азартный дед, прятаясь за машиной, всякий раз неодобрительно качал башкой и неловко бросал в приоткрытую боковую дверь отсека для транспортировки фразы явно критического характера. Типа – плохой охотник, целиться надо получше!

– Точно, плохой охотник, – буркнул Антон, осматривая местность и примериваясь, как будет действовать. – Слишком эмоциональный – этак патронов не напасешься...

Судя по всему, «таблетку» в лесу поджидал какой-то немирный чечен, обладающий довольно посредственными стрелковыми навыками. Почему посредственными? Извольте: работал с близкого расстояния по ничего не подозревающим «новичкам», имел как минимум десять–пятнадцать секунд нормального человеческого шока и не воспользовался. Когда ты готовишь шашлык, а твой начальник, сидящий рядом, ни с того ни с сего падает с простреленной башкой, ты обязательно на некоторое время рухнешь в ступор – потому что только-только прикатил с асфальта на войну и ранее начальников вокруг тебя пачками не валили, тем более из бесшумного оружия. «Притертый» с водилой, успевшие хлебнуть «горячего», в ступор не впали – как только Колян рухнул, сразу же шмыгнули в окопы и даже оружие с собой прихватили. А разинувших рты новичков снайпер качественно «слепить» не сумел: одного ранил в живот, второго как-то неправильно продырявил и позволил ему заползти за укрытие. Антон в такой ситуации да из аналогичного оружия сумел бы напавал уложить всех пятерых – важно лишь предварительно понаблюдать за противником и правильно определить очередность целей. Разумеется, начинать нужно было с «притертого» и водилы – они как раз и сидели в куче.

В общем, не профи: никакого планирования, тактика отсутствует начисто – неврастень какой-то, посредственный стрелок, коему в руки угодило по странному стечению обстоятельств хорошее оружие, из которого при соответствующей подготовке можно работать просто филигранно. Предположить же, что он таким вот корявым образом развлекается, – абсурд. Этот тип, если он только не полный идиот и совсем неместный, наверняка должен учитывать, что автоматные очереди в станице слышали и минут через пятнадцать сюда подскочит ГБР (группа быстрого реагирования) числом до трех десятков стволов. А посему ему сейчас нужно оперативно всех «зачистить» и сваливать отселе как можно шустрее.

Итак, нервный стрелок через границу ехать на «таблетке» постеснялся, дал поверху круг пешим порядком и соединился с горячо любимой супружницей уже на «мирной» территории. А может, и не с супружницей вовсе, а специально был кем-то поглавнее посажен в лесу для контроля за перемещением «таблетки»: если беременная барышня – жена кого-то большого и страшного, такая постановка вопроса вполне логична. А теперь можно всем вместе катить дальше – до самого райцентра нет ни одного блокпоста. Сейчас вот добьет вредных омовских хамов – и вперед. Патронов у него навалом, не экономит. Роженица, видимо, пожалилась на грубость Коляна, или сам из лесу наблюдал, вот и разыграло молодецкое. Единственная несуразица – если это действительно обычный телохранитель или озабоченный сродственник, откуда у него такая игрушка? Тут более уместен был бы милый сердцу каждого «духа» «калашников», а не эта профессиональная хлопушка.

– Откель у тя тако ружжо, чайник? – проворчал Антон, смещаясь на левую сторону штабеля. – Везешь кому или где?

Впрочем, обстоятельно рассуждать о несуразностях подобного рода было некогда – от брода послышался очередной отчаянный вскрик, дед возле «таблетки» одобрительно забормотал, принялся оживленно размахивать руками и подпрыгивать на месте, нахваливая гореснайпера.

Смена позиции позволила спасателю рассмотреть объект приложения усилий под другим углом и определить местонахождение цели. Да, с местонахождением было все в порядке: из какого-то окна по левому борту «таблетки» торчал ствол. В салоне сидел снайпер или в кабине, особой роли не играло – 7,62-мм пуля, выпущенная из карабина с такого расстояния, прошибет навывлет три аналогичные машины, поставленные в ряд, – главное не попасть в двигатель или раму. Смущало одно обстоятельство: с левой руки прикладываться для снайперской стрельбы ну очень неудобно, а в «таблетке», помимо объекта, находились двое посторонних. Работать нужно было очень аккуратно, чтобы не задеть ненароком «трехсотого», лежавшего в отсеке для транспортировки, и беременную горянку, которая наверняка осталась на своем месте в кабине.

– Спасибо, что с левого борта пристроился, – мимоходом поблагодарил Антон, вылучившая из запасного магазина два патрона и плотно затыкая уши – до неприятной рези в слуховых проходах. Подвел «двойку» прицела под черную щетинку ствола, чужеродным элементом торчавшую из левого бока «таблетки». – Хотя, по-другому, в общем-то, и не мог – диспозиция такая...

Врезаясь в левую грань «таблетки», Антон сместил риску прицела на два деления вправо, медленно стравил воздух сквозь стиснутые зубы, замер на выдохе и плавно надавил на спусковой крючок.

Толчок приклада в плечо, прыжок прицела вправо вверх, возврат в исходную точку, левый патрон долой из уха – до правого тянуться надо, времени нет – и фиксация результата.

Что там у нас? На матовом стекле левой задней двери дыра в паутинках трещин, из салона – средней продолжительности вопль, полный первобытной боли. Есть результат!

Подведя риску под дыру, Антон произвел еще два выстрела с интервалом в две секунды – для закрепления результата. Оглохнув на левое ухо от собственной стрельбы, быстро переместился на правую сторону штабеля, изготовился по-человечьи, чтобы в случае надобности поработать над ошибками.

Дед, забыв об осторожности, обежал «таблетку» и перестал быть видим с места сидения Антона – судя по всему, посунулся в кабину со стороны водилы, посмотреть, что там произошло со стрелком. Через несколько секунд послышался громкий крик, полный горестного недоумения.

– Во как! – ехидно воскликнул Антон. – Ай-я-я! Что за чудеса!? Стрелял себе парень, постреливал, свежим воздухом дышал... А тут вдруг – шлеп! И самого завалили. Какая досадная неожиданность!

Дед причитал недолго – спустя несколько секунд он вновь возник в поле зрения Антона, на этот раз имея в руках оружие.

«Винторез», – наметанным взглядом определил Антон, на всякий случай беря деда на прицел. Что-то в таком ракурсе примерно и предполагалось. И кто вам, уродам, такую хлопшу подарил?

А дед между тем, даром что старый хрыч, заметил, откуда вел огонь нежданно объявившийся супостат, и теперь топал напрямик к Антонову штабелю, держа оружие на изготовку для стрельбы стоя. И рычал при этом, аки заправский янычар. Решил, стало быть, напоследок слегка покамикадить – видимо, незадачливый снайпер был ему близким человеком. Увы, такова двуличная арифметика войны: это для тебя он враг, убив которого ты ставишь в блокноте «минус один», а для кого-то этот «минус» – муж, сын, брат, внук и так

далее. Ты вывел в «минус» одного «духа», а в «плюсе» приобрел всех его родственников и близких, которые отныне и вовеки стали теперь кровниками.

– Зря ты так, дед, – буркнул Антон, упираясь прицельной риской в правое плечо старика. – Зря, но... я тебя понимаю. Ну, держи...

Выстрел отбросил мстителя назад, развернув по оси на полтора оборота – неловко заплетая ноги, раненый старик упал в грязь. Оружие, однако, из рук не выпустил – старый вояка! – неловко сел на колено, преодолевая боль, вскинул винтовку к левому плечу, быстро изготовился в сторону штабеля.

– А вот это уже лишнее, дед, – нервно бормотнул Антон, целя на этот раз в корпус – тут уж не до шалостей, дед стал нормальным врагом и автоматически попадал в режим работы «кто кого».

Шлеп! Вновь толчок в плечо, скачок прицела вправо вверх – чеченец, отброшенный выстрелом назад, рухнул в грязь и затих. «Винторез» шлепнулся в двух шагах.

Выскочив из-за штабеля, Антон засеменил приставными шажками к «таблетке», держа ее на прицеле. Добравшись до деда, изъясил винтовку, повесил на плечо стволом вниз, оценил состояние раненого. Амба. Почти готовый «минус», первая пуля пришлась ниже ключицы, вторая в диафрагму, легкая дрожь конечностей место имеет и хрип характерный, в общем, дойдет минут через пять. Тут уже никакая помощь не поможет.

– А не хрен было лезть, – буркнул Антон, бросая деда на произвол судьбы и приближаясь к машине.

В кабине лежала беременная чеченка.

Нехорошо так лежала: навзничь, спиной на моторной части, пальцы левой руки мертвой хваткой вцепились в рулевое колесо, правая зажимала рану на груди скомканной косынкой.

Верхняя треть правого легкого навyleт – покрытый дерматинотом кожух моторной части богато оплывал густой темной кровью. Губы намертво закушены, из уголка рта обильно сочится кровавая слюна с пеной, мучительно цедит воздух короткими частыми глотками, в груди что-то сипло хлюпает. Огромный вздувшийся живот пульсировал, медленно сокращался в мелких судорогах.

– Ё-мое! – потерянно выдохнул Антон. – Мать твою за ногу! Тебя-то как угораздило?! Ты ж справа должна сидеть!

Метнулся к распахнутой двери отсека для транспортировки лежащих: так и есть, худющий пацан на носилках в солдатских обносках, лет девятнадцати-двадцати, славянин, салага совсем, ноги по щиколотку в бинтах, правая рука – тоже.

Отскочив от машины, Антон мгновенно оценил обстановку, поводя стволом в направлении окаймлявших место происшествия кустов. Тишина, пустота, никаких признаков постороннего присутствия. От брода, сильно прихрамывая на правую ногу, очень медленно тащится с автоматом «притертый», тяжело матерясь и потрясая кулаками. Со стороны станицы слышен слабенький гул приближающихся моторов – поднятая по тревоге ГБР будет минут через восемь-десять.

Ах, какая нехорошая картинка предстанет взору потревоженных станичников, во главе которых наверняка примчится сам атаман! Энша, прославленный ас ратного дела, палил черт знает в кого, подстрелил беременную бабу, уложил деда, зато упустил снайпера, который наверняка завалил двоих омовцев, тяжело ранил еще одного и вдоволь поиздевался над оставшимися двумя. Ай-я-яй!

– Где снайпер?! – замогильным тоном спросил Антон, возвращаясь к худящему салаге и потрясая у его носа грязным кулаком. – Где?!

– Какой снайпер? – Взгляд пацана был как у умирающего от старости человека, пережившего столько страданий и страшных мук, что удивить его новой напастью было просто невозможно.

– Который по омовцам стрелял, – несколько сбавив тон, пояснил Антон. – Я все время за машиной наблюдал... Не мог же он испариться!

– Баба стреляла, – с полным безразличием сказал пацан. – Ствол подо мной был заныкан – поэтому не нашли...

– Что-о? – внезапно севшим голосом всхлипнул Антон. – Кхе-кхе... Ты... Ты что, парень, гонишь? Как она могла – беременная?!

– А ты у нее руки посмотри, – посоветовал пацан. – И плечо. Я тебе говорю – баба стреляла.

В полном смятении Антон вернулся к кабине. Определить, есть ли следы порохового нагара на руках раненой, не представлялось возможным – одна рука в крови, вторая при деле, не разожмешь. Примерно то же получилось и с плечами: все обильно залито кровью, попробуй поищи свежие следы от приклада!

– Ты стреляла? – спросил по-чеченски Антон, поймав полный невыразимой муки взгляд раненой.

– Да, – тихо прохрипела женщина. – Да, я... Ты... нохча?

– Я русский, – угрюмо буркнул Антон, отводя глаза. – Но тебе уже все равно. Перестань рану зажимать, умрешь быстрее. А хочешь, я тебя дострелю? Один выстрел – и все мучения позади.

– Нет, – чеченка экономно мотнула подбородком. – Не-е-т...

– Ну и дура, – перешел на русский Антон. – Сейчас сюда от брода притопают один твой приятель, которому есть что тебе сказать. Мне почему-то кажется, что он будет резать тебя на мелкие кусочки – и начнет с живота. А чуть позже подтянутся наши казачки. Тоже баальные любители снайперих! Я от чистого сердца предлагаю. Не то чтобы ты мне нравилась – просто страсть не люблю таких зрелищ, когда над беременными издеваются... Так что – добить?

– Не-е-ет... – чеченка собралась с силами и выдохнула с кровавым бульком: – Рожать... буду...

– Пф-ф-ф! – возмущенно фыркнул Антон. – Совсем е...анулась баба! Какой рожать?! Кого рожать?! Тебя щас расчленять будут, мать твою!

– Это... это сын Беслана... – выплонула чеченка с очередным сгустком крови. – Он... он должен жить...

– Какого еще Беслана? – возвысил голос Антон, обращаясь к лежавшему за перегородкой раненому салаге. – Гантамирова, что ли? Тоже конь еще тот – не вижу причин, чтобы как-то помогать его коханой, тем более такой вот...

– Беслан Сатуев, – индифферентно пояснил салага. – Это его жена. Сатуев у них – большой человек, полевой...

– Не надо мне про Сатуева – сам в курсе, – поморщился Антон. – Много бы отдал, чтобы он сейчас на месте своей супруги оказался. А то они все горазды за юбкой...

– Эн-ша! Эн-ша! – проревел подковылявший к «таблетке» метров на пятьдесят «притертый». Судя по тону, зацепило его весьма чувствительно, но недостаточно сильно, чтобы окончательно «выключить» – состояние, вполне пригодное для полноценного припадка бешенства, чреватого самой гнусной поножовщиной и прочими надругательствами.

– Где он?! Где этот пидар?! Только не говори, что ты его совсем завалил! Я его на куски буду рвать!!!

– Вообще-то он не пидар, – пробормотал Антон, отступая на шаг и направляя ствол карабина в голову раненой. – И не совсем «он»... Все, крольчиха, дальше тянуть нет смысла.

Через полторы минуты твой приятель как раз доковыляет, тогда мне уже трудно будет оправдать свой поступок. Если хочешь помолиться – давай, только очень быстро. Тридцать секунд...

Раненая вдруг ворохнулась всем телом, широко раздвинула колени и, уперев ступни ног в грань дверного проема, принялась тужиться, страшно хрипя и пуская розовые пузыри.

– Господи, боже ты мой! – невольно прошептал Антон, опуская карабин и отступая еще на шаг назад. – Да что же это такое творится...

– Рожает? – с каким-то нездоровым спокойствием спросил салага.

– Пытается, – Антон пожал плечами. – Тужится, напряглась, как деревянная – ее сейчас бульдозером из кабины не выкорчевать. Как помешать – хрен его знает. Разве что пристрелить...

– Надо было сразу стрелять, – осуждающе пробурчал салага. – Щас уже не сможешь. Опоздал.

– Откуда тебе знать, сопля? – машинально огрызнулся Антон. – Чего это – не смогу?

– Да уж знаю... Я в плену у одной роды принимал, – вяло поделился салага. – Не сам – с дедом одним. Совсем молодая, симпатная – белобрысая. Ее чечены до последнего харили – живот вроде небольшой был. Каждый день забирали – засаживали в несколько смычков. А она у них как раз семь месяцев сидела – где-то в рейде с машины сняли. Ну, раз – рожать вдруг примастырилась под утро, все спали. Крики, туда-сюда, короче. Тужится, орет, мы с дедом в ахуе. Чечены заскочили, гыр-гыр промеж себя: давай, мол, валить ее – на хера такая свадьба, типа... А у нее как раз ребенок полз. Ну, мы с дедом бросились помогать, чечены стволы опустили, постояли, потоптались, плюнули и ушли. Рука не поднялась, короче. А отморозки были еще те – я те отвечаю.

– А-а-а-а... – низко, по-звериному, завывала чеченка, хрипя и булькая кровавыми пузырями.

– Началось, – авторитетно сообщил из-за перегородки салага. – Ну, попробуй, пристрели – если можешь...

Антон, неотрывно глядя на вздувшийся живот роженицы, потерянно качал головой. Чего он только не повидал за свою военную карьеру! Но такого... Нет, так не бывает. Не положено так. На войне убивают, ранят, калечат, насилуют, пытаются, издеваются, расчленивают заживо... Но рожать? Нонсенс! Война – не то место, не то время, чтобы рожать, это враждебное животворящему началу пространственно-временное образование, по определению предназначенное для *уничтожения* всего живого.

«...Какой рожать?! Кого рожать?!» – вот так воскликнул Антон, реагируя на заявление чеченки о ее желании освободиться от бремени. И был совершенно прав в своем первоначальном порыве. Нельзя рожать на войне. Нельзя рожать тяжело раненной снайперше, которую в самом скором будущем ожидает мучительная смерть. А особенным абсурдом выглядит это ее желание подарить миру новую жизнь после того, что она несколько минут назад тут вытворяла...

Антон вдруг вспомнил, какой фестиваль он закатил в райцентре, когда его Татьяна рожала. Три дня дежурил у больницы, не спал ночами. А случилось, как всегда, неожиданно: когда среди ночи начались схватки, перебудил полстаницы, палил зачем-то в воздух, рискуя задницей (за необоснованную стрельбу в Литовской и окрестных станицах нещадно порют на съезжей, невзирая на возраст и чины), акушера из дому выковыривал со штурмовым шумом и криками. Дурковал, одним словом, на полную катушку. В итоге все кончилось благополучно, хотя и побеспокоил зазря кучу народа. Татьяна – здоровая крепкая казачка, рожала в идеальных условиях, народу вокруг нее было чуть ли не с дюжину – всяких повитух, акушеров, медсестер – стараниями благоверного...

А эта вот – одна тужится...

Нет врача. Некому облегчить страдания, оказать квалифицированную помощь. Тяжело раненная, истекающая кровью, в полнейшей антисанитарии... Рядом стоит благодетель, который обещает пристрелить, чтобы не мучилась, – сторонне наблюдает за процессом. На подходе доброжелатель, который будет резать на лоскутки за ратные забавы, а скоро еще подъедут три десятка казаков, весьма охочих до расправы над вражьем снайпером...

Суровы законы войны. Снайпер – это особо ядовитая гадина, наподобие кобры среди кучи гадюк. Посчастливилось поймать – дави немедленно, другого случая не будет. Снайпер – вне закона, не нами придумано...

– Че делать-то? – осипшим голосом проскрипел Антон, украдкой смахнув слезинку – господи, жалко-то как дурищу, вражину проклятую, чтоб ей сдохнуть поскорее! Кой черт ее под руку толкнул – стрелять в таком состоянии? Токсикоз, что ли, накатило?

– А че делать? – индифферентно отозвался из-за перегородки салага. – Че делать... Оно вроде как само все идет – тут больше духовная поддержка нужна. А так... Ну, подыми меня, я посмотрю.

Антон метнулся к салаге, приподнял его под мышки, отодвинул задвижку в перегородке, давая возможность заглянуть в кабину.

– Ясно, – буркнул салага, посмотрев несколько секунд и вновь укладываясь на носилки. – Ты штаны с нее сними. Совсем. Жопу подтащи ближе к двери – у нее ноги неудобно стоят. Ну и... и все, наверно.

– Ага, понял, – суетливо бормотнул Антон, возвращаясь к роженице и лихорадочно приступая к выполнению рекомендаций бывалого «акушера».

Со штанами получилось более-менее сносно: удалось спустить до щиколоток теплые вязаные гамашы и байковые панталоны – дальше никак, ступни мертво уперты в края дверного проема. А вот чтобы стащить женщину с моторной части на сиденье, понадобилось приложить титанические усилия – тело ее и в самом деле было как деревянное, скованное страшным напряжением мышц. Пришлось ухватить снизу за широко разведенные бедра, упереться коленками в край сиденья и, откинувшись всей массой назад, тянуть рывками наружу. В таком вот интересном положении и застал своего спасителя подковылявший-таки «притертый».

– Ну ты даешь... беременную харить?! – нашел в себе силы удивиться «старожил» – на правом бедре его бугрился наложенный чуть выше колена самодельный жгут из тельника, ниже колена штанина была сильно разлохмачена и обильно пропитана кровью. – Она же беременная, какой тут кайф? Ну ты деятель... А где этот гондон? Не сдох?

– Она рожает, – вымученно бросил Антон, сдвинув с невероятными потугами женщину поближе к двери. – Не видишь, что ли? Ты погоди минуточку – не до тебя...

– Ох ты, блин! – удивленно воскликнул «притертый», как следует рассмотрев диспозицию. – Вот так ни хера себе, прикол!

А и было чему подивиться – не каждому мужику доводится в жизни своими глазами наблюдать, как лезет дите на свет божий. Мы же, мужики, только туда горазды, а насчет обратно – избави боже, не царское это дело, в таких потугах соучаствовать!

– Лезет! – ошеломленно прошептал Антон. – Лезет!

Совет салаги – «акушера» оказался весьма кстати: едва роженица оказалась ближе к двери и смогла максимально развести бедра, как из ее многострадальных недр полезла в этот мир головка, покрытая осклизлой кровавой пленкой.

– Ххха-рррр... – задушенно захрипела чеченка – из-под правой руки, закрывавшей рану, вспенилась бордовая кипень в сгустках, прострел самостоятельно испустил клокочущий выдох... Головка остановилась на полпути, тело роженицы застыло каменной глыбой, замерло в статичном усилии.

– Не сможет! – нервно крикнул Антон. – Никак не выходит! Легкое пробито, а тут же тужиться надо... Ох, мать твою... Че делать, акушер?!

– А хрен его знает, – легкомысленно бросил салага. – У нас нормально все лезло. Даже и не знаю...

– Можно попробовать подавить сверху вниз, – встрял «притертый» и, оглянувшись, сообщил с заметным облегчением: – А вон ваши метутся. Может, у них там доктор есть какой-никакой? Мне бы тоже не помешало...

– Какой, в задницу, доктор! – с отчаянием в голосе воскликнул Антон, памятуя о том, что, помимо безнадёжного коновала Бурлакова, в станице сроду не было ни одного приличного врача. – Она умирает! Она щас сдохнет и... и *это* вот так останется!

– Ну, тогда дави, – настоял на своем «притертый». – Я слышал, так делают, когда не идет. С-под груди начинай и аккуратно по параллели – вниз. И дырку неплохо было бы прижать. Ты давай дави, а я рану зажму, – и поковылял вокруг кабины к водительской двери.

«Притертый», кряхтя и охая, вскарабкался на водительское место и припечатал своей ручищей ладонь чеченки к ране. Антон сцепил руки в замок, прижал живот роженицы под грудью и медленно стал подаваться назад, словно собирался вытащить вздутый живот прочь из кабины отдельно от остального тела женщины.

Впавшая было в беспамятство чеченка, учуяв каким-то шестым чувством, что ей помогают, с грехом пополам набрала в пробитую грудь воздуха и напряглась в последнем неимоверном усилии, сжимая левый кулачок до мертвенной белизны костяшек и насквозь прокусывая неловко угодивший меж зубов кончик языка.

– Лезет! – заорал Антон, ощутив, что плод покидает тело матери. – Лезет, еб вашу мать!!! Лезет, бля!!! Давай, милая, давай... Ох-xxx... Все, что ли?!

«Милая» дала. Предсмертной конвульсией дернулись в мощном импульсе мышцы таза, дитя вывалилось в подставленные ладони Антона – и тут же каменно напряженные лодыжки женщины обмякли, безвольно соскальзывая вниз.

– Готова, – огорченно констатировал «притертый». – В смысле, совсем. Конечно, с пробитым легким так тужиться... А смотри – пацан. Вон, писюн видать...

– Оно не дышит, – пробормотал Антон, растерянно покачивая в руках осклизлый комочек синевато-багровой плоти и рассматривая пуповину, тянувшуюся неэстетичной кишкой от этой плоти в недра мертвой матери. На гомон спешивающихся казаков, направлявшихся от притормозивших чуть выше машин к месту происшествия, он не обратил решительно никакого внимания. – Оно это – того... Че делать-то, акушер?!

– Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! – пробасил подоспевший атаман с автоматом на изготовку. – И че вы тут, нах, устроили?!

– погоди!!! – яростно крикнул Антон. – Не видишь, что ли?! Я убил его мать! Ты понял? А теперь оно – того... Оно же орать должно... Че делать, акушер?!

– Отсосать надо, – угрюмо буркнул атаман, окидывая местность мимолетным взглядом и понимающе сводя лохматые брови на переносице. – Да-а, вот это, нах, тебя угораздило, бляха-муха...

– Чего надо? – непонимающе уставился Антон на шурина. – Не понял?!

– Не орет, нах, потому что забито у него все, – пояснил атаман. – Нос, рот... Отсосать надо. Да чо ты, нах, его так держишь! Ты его еблищем вниз разверни!

Антон неловко развернул дитя лицом вниз, не раздумывая присосался к носо-глотке и в три приема удалил забившую дыхательные пути слизь, сплевывая на дорогу – о брезгливости в тот момент он как-то не думал.

– А теперь – поджопник, – поощрительно крякнул атаман. – Давай, давай!

Антон сочно шлепнул по сморщенной дряблой заднице ребенка, примерился было дать еще шлепок... Дитя всхрапнуло, заглатывая первую порцию воздуха, сипло заперхало и огласило окрестности молодецким взвизгом.

– Во! – одобрительно крякнул атаман, доставая нож и перерезая пуповину. Затем ловким движением – будто всю жизнь только этим и занимался, завязал пупок под самый корень. – Одним чеченом больше... И чо ты с ним собираешься делать?

– У Татьяны молоко... Ну, кормит же она, – сбивчиво пробормотал Антон, ощущая вдруг во всем теле внезапно навалившуюся безмерную усталость. – Или в райцентр... А там видно будет...

– Совсем сдурел? – вскинулся атаман. – Чечена в дом взять? Тебя чо, нах, – по башке треснули, нах?! Не, ты гля на него – гинеколог фуев! Те зеркало поднести? Рोजа светится, нах, будто сам родил!

Антон пожал плечами, удивляясь сам себе. Конечно, ситуация более чем странная. Пес войны, с задубевшей от своей и вражьей крови шкурой, умудрившийся выжить в непрерывной пятилетней бойне и отправивший на тот свет не один десяток супостатов... дал жизнь сыну врага. И бормочет что-то насчет взять в дом... Чушь какая-то! Но может ли кто из его боевых братьев похвастаться, что когда-либо был в таком положении? Нет, разумеется! Война – не роддом, смотри выше. И кто его знает, как повел бы себя сам атаман, окажись он на месте своего примака...

– Ладно, ладно, – примирительно буркнул Антон. – Разберемся как-нибудь... – и мотнул головой в сторону «притертого», так и оставшегося на водительском месте в «таблетке»: – Кстати, братишка, вот он, твой снайпер. Эта баба по вам и стреляла.

– Что-о?! – будто ударенный током дернулся «притертый» – вперился в спасителя горящим взором. – Баба?! Ах ты ж... А ты... Ты что ж раньше-то...

– Ну, извини, братишка. Извини... – Антон отвел взгляд, неловко передернул плечами. – Чего уж теперь-то... Вон – готова...

Глава 4

Скандал в благородном семействе

Если куньк в голове – медицина бессильна.
Женя Смирнов – полковой зубодер, Сычев боевой брат

Итак, поехал наш таежник потомственный налево. Нехорошо, конечно, неприлично... Однако не спешите осуждать либо злорадствовать, давайте, пока наш сибирячок перемещается по маршруту, мельком глянем, как это он докатился до жизни такой.

Начинал Саша в полном смысле с нуля. В 1982 году товарищ Кочергин А. Е. окончил НИИЖТ (Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта) с синим дипломом – на пятерки учиться, это каким же занудой нужно быть!

Практику проходил в Тайшете, а по распределению угодил... в Москву. Да-да, то были еще те времена, когда для широкой публики, не отягощенной протекторатом сильных людей, существовала некая видимость хаотичного распределения после окончания вуза по принципу «куда пошлют»: шустрый москвич мог попасть на Амур, а тундролюбивый оленестеб чукча – в Киев.

Скудной зарплатой инженера депо Москва-Сортировочная Саша не удовольствовался: молод был, охоч до всяких земных слабостей, да и здоровьем недюжинным бог наградил – не падал от усталости после трудового дня в депо. Подрабатывать грузчиком на родной станции было как-то неприлично – инженер-путеец как-никак, техническая интеллигенция и все такое прочее. Осмотревшись по сторонам и приладившись к столичной жизни, Саша перебрал несколько видов побочного заработка и устроился в ночную смену оператором на АЗС. Получалось вполне приемлемо – через двое на третьи сутки ночь не спал, зато имел почти в два раза больше, чем на путях, – с учетом «приварка» за счетчики.

Вот там-то, на АЗС, Саша и познакомился с Ириной. Сами понимаете, юность – пора безрассудств и непредусмотренных регламентом развлечений. Какой-то очередной воздыхатель катал девушку по ночной столице, зарулил на АЗС заправиться, а затем, не удосужившись даже отъехать на приличное расстояние, решил на скорую руку поскрипеть задним сиденьем в целях заполучения мимолетного оргазма. То ли данный товарищ сверх меры под градусом был, то ли имел на сей счет свое особое мнение – но ситуацию оценил неверно, сочтя подругу готовой соучаствовать в кратковременно потном сплетении тел (а духота имела место, июль месяц, небо в тучах – вот-вот дождь хлынет). Не готова была подруга – до истошного визга и криков о помощи.

Инженер-путеец, в душе которого Родина и ВЛКСМ воспитали активную жизненную позицию, крики услышал и поспешил вмешаться. Пришлось того эротомана изрядно потрепать: отвлеченный от своего упоительного занятия, он отнесся к Саше не очень дружелюбно и вдобавок попытался навязчиво демонстрировать приемы входящего тогда в моду карате. В результате незадачливого каратиста доставили с некоторыми травмами в «Склиф», а Ирина укатила домой на такси, в знак благодарности оставив Саше визитку – будут проблемы, обратиться, родители сильненькие, могу быть полезна.

Оправившись от травм, эротоман воспылал жаждой мести, навел справки и в один прекрасный вечер, пригласив двоих приятелей, вновь навестил негостеприимную АЗС, желая предметно разобраться с дремучим оператором, ничего не понимающим в тонкостях внезапного сильного чувства. Оператор разнообразием посетителей баловать не стал – вооружившись метлой на железной ручке, ввалил всем по первое число и звякнул в милицию. Забирайте охальников – недосуг мне тут с ними, клиентов отпускать надобно.

А вот тут получился типичный диалектический дифферент на нос (по нашему излюбленному гнуснейшему принципу «закон что дышло...») – эротоман, гад ползучий, оказался из того же круга, что и Ирина, – папенька у него ходил в больших чинах.

Притащили Сашу совместно с незадачливыми мстителями в отделение, посадили в «обезьянник», а мстителей оставили снаружи и отнесли к ним с подобающим сочувствием, как к пострадавшим гражданам. С подсказки дежурного мстители накатали заявления на операторово злодеяние, в дежурной части стремительно возбудили уголовное дело по факту нанесения телесных повреждений и потащили парня в ИВС. А парень – не дурак, возьми и подпусти слезу: дайте маме позвонить, она как раз в гости из далекой Сибири приехала, остановилась в общежитии и будет страшно убиваться, когда поутру не обнаружит горячо любимого сыночка.

Ну, сами понимаете, там в отделении хоть и сатрапы, но не совсем же конченные. Дали. А Саша накрутил номер Ирины и, величая ее Мамочкой (дежурный рядом стоял, слушал), вполне подробно изложил, в какую историю угодил.

Через сутки парня из ИВС выпустили: родители Ирины включились в процесс и быстренько расставили все на свои места – диалектический дифферент был ликвидирован. Правда, для вящего эффекта (ну никак не хотели заниматься большие товарищи каким-то плебеем с улицы!) дочке пришлось посвятить папу с мамой в печальные детали того приключения, с которого, собственно, все и началось. Кроме того, имелись и другие мотивы для оглашения таких непристойностей – папенька пострадавшего был силен, требовались хорошие козыри в борьбе с его происками.

Рядились с неделю – каждая сторона имела свои рычаги влияния и желала победы. В конечном итоге эротоман уже и не рад был, что так неосмотрительно связался с оператором: при паритетном раскладе ему «шили» попытку изнасилования – да не кого попало, а дочери *тех самых*. Однако, как это принято в своем кругу, разошлись миром, изрядно попортив друг другу нервы и затаив в душе лютую злобу. Сашу, как героя, пригласили на званый ужин, и там он неожиданно понравился папе – прожженный номенклатурщик старой школы мгновенно рассмотрел в путейце перспективного товарища.

– Присмотрись к мальчишке, – подсказал он дочке. – Мальчишка-то правильный, цельный. И предан, как собака, будет – с улицы взяла, подняла из грязи...

Нет, любви высокой там не было, не надейтесь. Ирина папу послушала и присмотрелась. Саша был очень даже недурен собою: могучий самец, красавец – ладно скроен, крепко сшит, все на нем сидело как влитое: и недорогие костюмы, и амплуа придурковатого, но подающего надежды самородка, выкарабкавшегося из глубины сибирских руд. А еще он выгодно отличался от окружавшей ее «золотой молодежи»: и вправду цельный, чистый, честный, первобытный какой-то...

Вот так и получился социалистический брак: она – чуть ли не первая невеста столичного света, он – безвестный неотесанный мужлан из-за Урала. Символично...

Потом, когда шарахнула перестройка, родители Ирины, желая сделать молодой паре приятное, выкупили ту АЗС, на которой дежурил оператором Саша, и подарили ему на день рождения. С барского плеча: носи, не жалко!

Саша неожиданно увлекся подарком: забросил депо – некогда стало, начал осваиваться в низовых деловых кругах, изучать литературу, общаться со специалистами – одним словом, вращаться в дело. АЗС зарегистрировал как АОЗТ и верноподданнически обозвал «Ирой» – тут все понятно, без комментариев.

– Я твоя половина или как? – как-то в шутку, без задней мысли высказалась Ирина, уже гулявшая на седьмом месяце. – Ага, половина. А если половина, тогда давай так: все доходы от твоего бизнеса – пополам. Тебе – на счет и мне – на счет.

И очень удивилась, когда сияющий Саша после родов притащил ей сберкнижку на ее имя, где покоилась первая тысяча рублей.

– Все – пополам, как договаривались. Вот, смотри, моя книжка – тоже тыща...

С тех пор минуло семнадцать лет. Благодаря организаторскому таланту Саши, подкрепленному протекторатом родителей Ирины и ее личными связями, «Ира» стала крупной фирмой, в которую входят большая сеть АЗС, четыре хранилища нефтепродуктов, транспортная компания, ориентированная исключительно на перевозку собственных ГСМ, и ремонтно-техническая база. Вырос сын – в папу с мамой, красавец, гренадер, умница и большой вундеркинд. Очень перспективный и подающий большущие надежды.

Александр Евгеньевич стал солидным бизнесменом – с ним считаются заметные люди, а среднего звена дельцы ищут его благорасположения. «Иру» неоднократно пытался насильственно «влиять» в себя небезызвестный «Концерн», желающий иметь монополию в соответствующей сфере рынка энергоносителей. Но Александр Евгеньевич не дался, отстоял свою независимость. И следует признать, что номенклатурные связи тут помогли в гораздо меньшей степени (как уже отмечалось, эти связи с перерождением делового мира России стали заметно хиреть и обретать символический характер), нежели собственная зубастость, упертость и оборотистость. Хват парень, что и говорить.

А дома хват довольствуется ролью пушистого котенка. Жену свою по-прежнему боготворит, болезненно чувствует свою необразованность, неотесанность и дремучесть. До сих пор удивляется иногда, как такая дивная смесь породы, интеллекта и физической прелести могла избрать тебя, мужлана, в спутники жизни. Энциклопедические знания, царские манеры, врожденное благородство в каждом жесте, бездна нерастрченного обаяния... в спальню к тебе является как некое божество, ниспосланное свыше, и, принадлежа тебе, ни на секунду не дает забыть, что явлена тебе милость великая – трепещи и благоговей, смерд. А сын попер умом и эрудицией в маму. Когда они общаются, Александру Евгеньевичу не удастся даже словечко вставить – он не всегда и понимает, о чем речь. А бывает, что и вставит – но не туда, куда надо. Реакция незамедлительная: «...Ну и дремучий ты у меня, фазер! Иди лучше справочник по нефтепродуктам почитай – как раз то, что тебе по силам...» Ну какой же тут может быть отцовский авторитет? Какая сыновья гордость и отцовская степенная мудрость? Эх черт, и обидно же иногда бывает! Расти над собой в этом плане, конечно, хочется, подтянуться чуть-чуть... А некогда. Работа засасывает. Нормально же отдохнуть за английским интерактивным курсом либо классиками литературы ну никак не получается – после всех этих премудростей голова кругом идет, работа не клеится и возникает устойчивое желание крепко хлобыстнуть кого-нибудь по морде. Александр Евгеньевич привык отдыхать так: охота, рыбалка – в хорошей компании, разумеется, обильный стол с выпивкой, русская баня. После таких непритязательных отдохновений в конце недели и работа катится как по маслу, и чувствуешь себя прекрасно.

Каждому свое, одним словом. Царице – являть себя народу во всей красе и повелевать, а ее башмачнику – тачать для нее обувь, да так, чтобы не жала, чтобы и не вспоминала, что обута...

...Проскочив несколько кварталов, Александр Евгеньевич остановился возле универсама. Потоптавшись у входа, некоторое время изучал через витрину покупательский контингент на предмет обнаружения нежелательных физиономий. Не отметив таковых, зашел, быстро выбрал все, что требовалось для небольшого праздничного ужина, и, расплатившись, с облегчением удалился в свою машину. Нет, шпионских романов наш парень отродясь не читывал, но, чувствуя, что совершает неблагоприятное деяние, считал необходимым не пренебрегать определенными мерами предосторожности. Это будет нехорошо, если кто-нибудь из сотрудников фирмы или просто знакомых заметит президента в универсаме. Какого черта, спрашивается, делает твоя домохозяйка, если после работы тебе приходится, как простому

смертному, шарахаться по магазинам? Куда супруга смотрит? И пойдут пересуды-криво-толки, обрастая все новыми неправдоподобными деталями и домыслами, и в итоге родится сплетня – наши людишки большие любители почесать языки по поводу и без.

Добравшись до общежития мединститута, Александр Евгеньевич остановил машину неподалеку от парадного входа, глянул на часы и принялся с нетерпением ожидать появления Адила, беспокойно оглядываясь по сторонам. Нет, слежки наш подпольный мачо не опасался, поводов не было. Свет смущал. По обеим сторонам от входа в общежитие торчали два мощных галогеновых фонаря, заливавшие обширный участок местности ярким светом. Фонари имели место в рамках программы профилактики правонарушений и никому, разумеется, не мешали, но в настоящий момент Александру Евгеньевичу страшно не нравились, хотя ничего такого он нарушать не собирался. Нехорошо как-то – уважаемый гражданин решил поехать налево и вынужден некоторое время торчать на видном месте под фонарями, как на витрине. Неуютно как-то. Надо будет переговорить на этот счет с Адилем...

...Ибрагим вошел в жизнь господина Кочергина около года назад. Александр Евгеньевич ездил в отпуск на родину и, как принято в таких случаях у обычных людей, не обремененных комплексом снобизма, активно отдыхал с друзьями юности где придется: преимущественно в демократичном спортзале с сауной родного НИИЖТА и на квартирах у своих однокашников, успевших обзавестись семьями, но состояния не склотивших ввиду недостаточной проницательности.

На одной из таких квартир гостя и познакомили с Ибрагимом. Как он там вообще оказался и по какому случаю, Саша так и не мог припомнить, но факт, что ласковый проныра-ингуш полюбился ему с первого взгляда. В отличие от второго близкого человека Ирины – девственно-невежественной Вики, для которой «Пышка» Мопассана стала в 37 лет божественным откровением, наш парень в далекой юности книжки почитывал и кое-какие аналогии, почерпнутые в беспорядочно употребленном литературном бедламе, пронес через всю жизнь.

Бывает так, что литературный персонаж, пересекшийся с нашим пылким юношеским воображением, оставляет в душе неизгладимый след своего первоначального воздействия независимо от нашего возмужания – умудрения – скептицизмизирования – этакое пестрое пятно на сером фоне жизни, стереть которое под силу разве что полному сумасшествию или смерти. Эти яркие впечатления юности мы бережно храним, лелеем и связываем с ними – порой неосознанно, безотчетно – либо лучшие минуты нашего прошлого, либо навсегда запавшие в память, не поддающиеся описанию идеалистические образы. Вот и у Саши такое было: лично с ним не связанные и ничем в принципе не опосредованные, но навсегда оставшиеся в душе романтические островки тревожной юности, берега которых с течением времени не размыли окончательно мутные воды реки бытия.

Особенно впечатлил и запомнился Ибрагим Оглы из «Угрюм-реки». Как сложились их отношения с Прохором Грозовым, Саша помнил смутно (а зря! Надо было мораль извлекать, а не заглатывать впечатления...), но образ Ибрагима отчего-то навсегда остался в его большом таежном сердце.

Ибрагим! Как только ингуша представили, в воображении Саши тут же мелодично зазвенела ассоциативная цепочка, накрепко сковавшая того, Прошкиного, Ибрагима с нынешним. Такой же здоровый, волосатый, наглый, как танк, и страшно обаятельный – шальные разбойные глаза (щас зарэжю, ссс-ким башка дэлать будим!!!), обещавшие беспощадную месть врагу и преданность другу до последней капли крови. Правда, насколько помнил Саша, тот Ибрагим был черкесом, но это мало меняло суть дела. Ибрагим умел дружить с кавказской широтой и щедростью, умел любить и ненавидеть. Сильная, яркая натура, сильные чувства... По ходу дела выяснилось, что он в свое время также окончил НИИЖТ

– только пятью годами позже Саши – и занимался в Новосибирске сходным бизнесом, связанным с ГСМ.

Долго рассусоливать не будем – погуляв в городе детства, Александр Евгеньевич забрал ингуша в Москву. Земляк, душа-человек, обязан по гроб, что вытащил в столицу и поднял в положении: вот сколько мотивов сразу. Национальность для бывшего инженера-путейца роли не играла – воспитанный в духе сибирских каторжан-космополитов, он никогда не задумывался над этническими проблемами вселенского масштаба, а оценивал человека с позиции его полезности и личностных качеств.

Ибрагим доверие оправдал. Не найдя вакансии в фирме, Александр Евгеньевич оформил его «помощником президента по особым поручениям». Ингуш и помогал во все лопатки: с утра до вечера крутился под ногами, испрашивая для себя занятие, ревностно выполнял все возложенные на него задачи и за короткий срок изрядно преуспел в освоении специфики жизнедеятельности фирмы. Друзей в «Ире» не завел: за людей считал только сильных рискованных мужиков, каким был сам и Саша-кунак, к остальным источал холодное равнодушие, более похожее на презрение. Старожилы «Иры» косились и пожимали плечами – пришлый, чужой, надменный, загадочный и нелюдимый, как с таким дружить? В столице ингуш быстро обрел связи с земляками-кавказцами, каковых сыскался целый клан, и неожиданно оказался крайне полезен при решении извечных проблем с загребушим «Концерном», который никогда не упускал самостоятельную «Иру» из поля зрения, извечно желая вставить этот аппетитный кусочек в свою могучую полукриминальную плоть. Так, когда решался вопрос образования районного филиала, Ибрагим дважды катался на «стрелки» с какими-то «левыми» бойцами «Концерна», привлекая в качестве вспомогательной команды своих земляков (номенклатурного внушения сверху оказалось недостаточно: новая «земля» – новые люди, к великому стыду бывшей правящей верхушки). Раз «отмазал» Александра Евгеньевича – спас его от больших неприятностей, вызванных нетактичным поведением последнего. Президент – могучий и бесстрашный, рабуха-парень! – попросту выкинул из кабинета товарищей из «Концерна», явившихся в очередной раз пообщаться на предмет совместного ведения дел. Да надоели! Сколько можно! Вам же русским языком объяснили – не лезьте! Вот и выкинул. И помял слегка при том – косточка там у кого-то незстетично хрустнула.

– Ты покойник, Кочерга! – сообщили ему спустя полчаса по телефону хорошо поставленным голосом с едва заметным чеченским акцентом. – За такой беспредел твоя «красная крыша» тебя не отмажет, можешь мне поверить. Завтра в восемь вечера будь в Химках – у плотины, как из города ехать. Будем решать, что с тобой делать. Не приедешь – завалят тебя прямо в офисе. Все – я сказал. Не забудь – завтра, в восемь вечера...

Саша, хоть бесшабашен был и храбр, но в меру разумен и о криминогенной ситуации в столице понятие имел. Озаботившись положением, он не позволил амбициям возобладать над здравым смыслом, а быстренько перезвонил тестю и изложил суть проблемы.

– Все решим, не переживай, – пообещал отец Ирины. – Вот еще проблемы!

А через часок перезвонил и смущенно поправился:

– Решить-то, конечно, решим, но... Ты бы поехал к тем людям, извинился за грубость и того... компенсацию, что ли, за нанесенный ущерб... Я тут проконсультировался... в общем, не надо было так себя вести. Повеселее надо. Сейчас всяких развелось – они же в суд не подают за оскорбление, сами разбираются...

Растерялся Саша. Задумался, веком задержался – к кому ехать, кого искать? Отправляться напрямую в головной офис «Концерна» страшно не хотелось. Во-первых – враги. Три года от них всячески отбрыкивался, избегая общения, – это они его домогались как могли, а он ведь даже ни с кем из руководства не знаком!

Во-вторых, имелось вполне закономерное опасение, что «Концерн» специально инспирировал этот незатейливый инцидент – зная крутой нрав президента «Иры», нетрудно спрогнозировать, как он будет вести себя в той или иной ситуации. А если так, то руководство «Концерна», не моргнув глазом, откажется от своих «бойцов» и «черных адвокатов» и начнет планомерно давить. Никого-то мы не посылали, и вообще – все это провокация. А давайте-ка с вами обсудим кое-какие вопросы в части, касающейся перспективы совместного функционирования в одном русле – понимай, под одной «крышей». Чтобы не лезли всякие, не докучали занятому человеку. Это что же – три года борьбы за независимость псу под хвост? Нет, ехать в «Концерн» ни в коем случае не стоит. Но жить-то хочется? Ага, обязательно. И как же быть?

Вот тут-то и выручил Ибрагим – окончательно и бесповоротно. На кого он там вышел из своих соплеменников, кому кланялся в ноги – Саша в подробности не вдавался. Важен результат.

«Развели»! Без претензий. Без участия обидчика и его извинений. Понадобилось лишь «отстегнуть» три штуки баксов – тому, у кого косточка хрустнула. И больше никто не лез, как будто забыли про «Иру».

– Чудеса, – недоверчиво сказал юрист фирмы – конченный скептик Лева Коновалов, хорошо разбирающийся в «понятиях» и прочих перипетиях теневой стороны делового мира. – «Концерн» вот так запросто простил наше хамство? Да-а-а уж... Вот это Ибрагим, вот это клад! И где он такого «разводящего» нашарил? Чудеса! Далеко пойдет, если пуля не остановит. Ты вот что... Ты бы присмотрелся к нему повнимательнее...

Однако Александр Евгеньевич брюзжание Левы пропустил мимо ушей: тот все – даже факт собственного рождения – подвергал сомнению, работа такая. А Ибрагим в очередной раз доказал свою безграничную преданность, можно сказать, на амбразуру бросился, черт знает чем рискуя. Какой там «присмотреться повнимательнее»?! За деяния, даже втрое менее значимые, президент «Иры» привык отличившихся по-царски награждать. Подними человека, поддержи его рвение, оцени как следует – он воздаст потом сторицей. Старая капиталистическая концепция, перенятая у загнивающего Запада. И специально для друга-ингуша ввел в штат фирмы новую должность, необходимость которой ранее никто по недомыслию не ощущал: вице-президент.

Старожилы пожали плечами, но возражать не стали, сочтя назначение не более чем очередной прихотью своенравного шефа. Что такое этот «вице» при живом президенте? Заместитель, что ли? «Сам» все решает сам, а когда в отсутствии – коммерческий за него, всегда так было. Хочет, так пусть себе куражится – и хрен с ним, хуже от этого никому не будет.

Вот так получилось. А на деле вышло, что Ибрагим декларативно стал вторым человеком в «Ире». Спустя всего-то полгода после появления...

... Адил появился ровно в половине восьмого, как договаривались. Степенно вышел на крыльцо, приложил ладонь к бровям, всматриваясь в стоявшую неподалеку знакомую машину, затем приветственно вскинул руку и вернулся в вестибюль. Через остекленный тамбур Александр Евгеньевич мог рассмотреть, что вахтерша, которой молодой сын гор что-то сказал, послушно вышла из-за конторки и усеменила по лестнице на второй этаж.

– Командир нашелся, – индифферентно буркнул Александр Евгеньевич, ничуть не удивившись. Адил и его соплеменники, что называется, «держали шишку» в общаге мединститута. Явление обычное и давно ни у кого не вызывающее раздражения: русские привыкли, что в большинстве подобных учреждений у нас всегда верховодят выходцы с Кавказа или представители некоторых других мусульманских народностей нашей необъятной Родины. Жесткая клановость, большая жизнеспособность, нежели у славян, напористость, постоянная готовность к силовым методам решения проблем – эти качества не перешибешь ника-

ким этническим перевесом и установленными в законодательном порядке нормами цивилизованного общежития.

Отправив вахтершу с поручением, Адил вновь вышел на улицу, чтобы присоединиться к Александру Евгеньевичу – поздороваться, перекинуться дежурными приветственными фразами.

– Как наша дама? – поинтересовался хозяин «Иры». – Не передумала?

– Конечно, нет. Куда денется... – небрежно бросил Адил и, не уловив должной реакции, поспешил добавить: – ...от такого крутого мужика. Бегом прибежит, конечно, от радости будет в ладоши хлопать...

Через несколько минут из вестибюля выпорхнуло прелестное создание лет девятнадцати, облаченное в дешевенькое пальтецо с каким-то выдрым воротником, фальшиво бликовавшим в ярком свете фонарей. Наблюдая за грациозной фигуркой, приближающейся к машине, Александр Евгеньевич почувствовал душевный трепет – сердце радостно подскочило в груди, ликуя от предвкушения оргастической ярости, тихонько завопили семенники, наполняя чресла жарким пламенем вождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.